

МЭРИ ДЖО ПАТНИ

Самая Желанная

ШАРМ

Мэри Джо Патни

Самая желанная

Серия «Шарм (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65801478

Самая желанная: Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-120332-0

Аннотация

Стать куртизанкой – странное желание. Однако для красавицы, почти ребенком силой выданной замуж, ставшей жертвой пьяного насилия в брачную ночь и брошенной наутро, подобная судьба кажется не таким уж плохим выходом.

Женщина, называющая себя Дианой Линдсей, появляется в столице – и повергает к своим ногам весь лондонский полусвет. Будущие содержатели и покровители буквально лежат у ее ног. Но внезапно Диана с ужасом узнает в одном из них человека, некогда сломавшего ей жизнь, – своего законного мужа Джервейза Бранделина, виконта Сент-Обина!

Джервейз, один из лучших британских мастеров «тайной», шпионской войны против Наполеона, влюбляется в прекрасную куртизанку с первого взгляда. Но почему она столь упорно отвергает его ухаживания, чего боится?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	31
Глава 2	53
Глава 3	72
Глава 4	99
Глава 5	131
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Мэри Джо Патни Самая желанная

Mary Jo Putney

DEARLY BELOVED

© Mary Jo Putney, 1990, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Остров Мулл, Шотландия, 1799 год

Молодой человек, сидевший в углу продымленной таверны, пил в одиночестве. И не только в том смысле, что он был один, – от жителей острова его отделяла непреодолимая стена, почти физически ощутимая. С тех пор как Красавчик Чарли привел кланы на поле при Каллодене, где их разгромили, прошло более пятидесяти лет, но у шотландцев хорошая память, а этот человек явно был богатым англичанином. Хотя шотландцы славились своим гостеприимством, ни у кого не возникало желания искать общества этого человека, тем более что взгляд его холодных серых глаз вовсе не располагал к общению.

Достопочтенный Джервейз Бранделин нисколько не возражал против одиночества – напротив, он его предпочитал. Чуть поморщившись, он допил остатки неразбавленного шотландского виски. Напиток обжигал горло, хотя это был уже далеко не первый глоток. Ни в самой напитокке, ни в его действии не было ничего утонченного, однако Джервейз, проживший месяц на Шотландском нагорье и ближайших островах, стал к нему привыкать. В воздухе таверны витали запахи, характерные для фермеров и рыбаков, и еще чувствовался запах горящего торфа.

Оглядев зал с низким потолком и перехватив взгляд горничной, Джервейз подал знак, чтобы ему принесли еще порцию виски. Он сознавал, что пьет слишком много, но после целого дня скачки под непрерывным дождем ему хотелось тепла и уюта. На эту таверну он наткнулся неожиданно. Таверна принадлежала англичанам, и хозяева сумели создать здесь атмосферу настоящего, не шотландского гостеприимства. Служанка направилась к нему, покачивая бедрами. Она могла бы с самого начала оставить на его столе бутылку виски, но тогда у нее не было бы предлога продемонстрировать свои прелести. И каждый раз, когда она наливала ему виски, ее лиф опускался все ниже, а покачивание бедер становилось все более откровенным.

– Не желает ли ваша светлость чего-нибудь еще? – спросила девушка, явно готовая на все.

Джервейз ответил ей едва заметной улыбкой. Наслаждаясь теплом, растекавшимся по телу, он был настроен весьма благодушно. Их флирт, если это можно было так назвать, развивался на протяжении последних двух часов. (Боннер, слуга Джервейза, обычно упоминал, что его хозяин является наследником виконта Сент-Обина, что обеспечивало особое уважение и гостеприимство как для хозяина, так и для его слуги.)

– А что еще ты можешь предложить? – поинтересовался Джервейз, отбрасывая назад свои черные волосы. К счастью, они наконец-то высохли. А ведь он уже начал задаваться во-

просом, бывает ли хоть что-нибудь на Гебридах когда-нибудь сухим.

Служанка не спешила с ответом. Наливая ему виски цвета темного янтаря, она слишком уж низко наклонилась, и ее полные груди задели его щеку и плечо. Почувствовав мускусный запах не слишком чистого тела, Джервейз невольно поморщился: он предпочитал более утонченных шлюх, – но у него уже несколько недель не было женщины, а эта явно была доступна, к тому же – недурна собой. Он провел ладонью по ее округлому бедру, и она в ответ обольстительно улыбнулась, уверенная в своей привлекательности.

– У нас тут есть все, что вы только можете пожелать, ваша светлость.

Джервейз опустил взгляд на низкий вырез ее лифа: полные груди девушки, наполовину открытые, выглядели как готовые к сбору зрелые плоды.

– Неужели все?

– Да, все, – кивнула служанка, явно обладавшая и опытом, так что ночь с ней обещала быть приятной.

Под гул голосов и звяканье кружек Джервейз негромко спросил:

– Ты знаешь, в каком я номере?

– Да, ваша светлость.

– Как долго тебе еще здесь работать?

– Еще час, милорд. Стоит ли мне потом прийти к вам?

Этим вопросом девица будто намекала: хотя высокие тем-

новолосые мужчины вроде него как раз в ее вкусе, однако она бедная работающая девушка и потому должна быть практичной.

Джервейз этого вопроса ожидал, и потому у него уже была наготове тускло сверкающая желтым монета. Он подбросил ее, и девушка, ловко поймав золотой, спрятала его, так что никто в таверне этого заметил.

– Этого достаточно в качестве знака... моего уважения? – осведомился Джервейз.

– Вполне достаточно для начала. – Служанка улыбнулась, показывая крепкие неровные зубы.

Свою цену она явно завысила: больше, чем стоимость номера и ужина, – но Джервейз, будучи не прочь совершить эту покупку, приподнял стакан и с улыбкой сказал:

– Тогда до встречи.

Девушка ушла, картинно покачивая бедрами. Джервейз с удовольствием проследил за этим представлением, надеясь, что она сможет повторить такие движения в постели. Потом, разом ополовинив свой стакан, он решительно сказал себе, что эта порция будет последней, иначе он не сможет воспользоваться своей покупкой.

Весьма довольная собой, Мэгги Маклин наливала эль за стойкой бара. Ее кузина, посудомойка Бетси Маклин, пристально взглянула на нее.

– Что, Мэгги, договорилась с английским лордом?

Та с улыбкой кивнула.

– Да, я позже к нему зайду. Красивый дьявол, правда? И щедрый.

Бетси посмотрела в сторону англичанина. Спору нет, он хорош собой – худощавый и широкоплечий, лет двадцати с небольшим, одетый необычайно элегантно, но довольно просто, – такое сочетание редко встретишь в этом отдаленном уголке Британии. У него красивые правильные черты лица, но, по мнению Бетси, он какой-то... слишком уж суровый.

– Ну, не знаю, Мэгги... – Бетси пожала плечами. – Я видела его вблизи, и от этих холодных серых глаз у меня мурашки по спине пробежали. Можешь взять его себе. Мне больше по душе его слуга.

– И ты, Бетси, уже с ним потолковала? – спросила Мэгги, все еще не сводя взгляд со своей добычи.

– Да, мы с ним позже встретимся. Может, он не так много заплатит, но по крайней мере, когда он на меня смотрит, мне тепло, а не холодно.

Мэгги фыркнула.

– При чем тут тепло и холод? Этот красивый лорд всего лишь мужчина. Я знаю, чего он хочет, но для того, чтобы это получить, ему придется меня ублажить.

– Делай как знаешь. – Бетси снова пожала плечами и вернулась в кухню.

Джервейз допил виски и решил ненадолго выйти – глот-

нуть свежего воздуха. Встав из-за стола, он почувствовал легкое головокружение. Вовремя он остановился: еще несколько порций – и валялся бы под столом. Дождь кончился, но в этих краях даже в середине мая в ночном воздухе чувствовалась пронизывающая сырость.

Выйдя наружу, Джервейз поежился. Он прошел с сотню ярдов до кромки воды и постоял, слушая тихий плеск волн на узкой полосе плоского галечного берега. Звуки же, доносившиеся из таверны, постепенно стихали – местные расходились по своим каменным коттеджам. Джервейз давно уже пребывал в легкой меланхолии, что было гораздо лучше, чем гнев, погнавший его прочь из Эдинбурга, подальше от отца. Теперь, оглядываясь назад, Джервейз понимал, что явно поторопился, сообщив лорду Сент-Обину, что его единственный сын и наследник купил комиссию в армию и собирается в скором времени отбыть в Индию. Сообщив эту новость слишком рано, он три недели подвергался непрерывным нападкам, пока они с отцом объезжали отдаленные владения виконта. Виконт допускал, что для чьих-нибудь младших и не столь ценных сыновей армия еще подошла бы, но для наследника несметного богатства Сент-Обина это не место. К счастью, деньги, унаследованные от матери, давали Джервейзу возможность поступать так, как ему заблагорассудится, и лорд Сент-Обин ничего не мог с сыном поделать – отца и сына связывали только родство и долг, а о какой-либо привязанности в их отношениях и речи быть не могло.

Джервейз наклонился, чтобы поднять несколько камешков, и, покачнувшись, едва не упал. Выпрямившись, он тихо выругался и дал себе слово, что впредь не будет забывать о крепости местного виски; он с самого раннего возраста ценил преимущества самодисциплины и вовсе не собирался терять над собой контроль из-за выпитого. И дело не в том, что в этом отдаленном уголке Гебридских островов таились какие-либо опасности: таковых он не заметил, – просто предпочитал держать свои слабости под контролем.

Как долго он простоял на берегу?.. Минут сорок пять? Час? Во всяком случае, было уже поздно – в таверне за его спиной царила тишина, – и следовало возвращаться в свой номер. Полногрудая служанка, наверное, его ждала.

После свежего ночного воздуха в таверне показалось ужасно душно. Когда же Джервейз, поднявшись по лестнице, попытался отыскать свой номер, у него снова закружилась голова. Черт бы побрал это виски! Да и все эти строения заодно... Постоялый двор на протяжении веков беспрядочно перестраивался, поэтому напоминал какой-то лабиринт с неровными полами и непредсказуемыми углами. Хозяин оставил для него в прихожей масляную лампу, и теперь, когда Джервейз шел с ней, на стенах мелькали и качались странные тени...

Стоя в коридоре на втором этаже, Джервейз довольно долго размышлял, в какую сторону идти. В поездке по Шотландии ему доводилось останавливаться и в других постоялых

дворах, похожих на этот, и сейчас все они казались одним и тем же замысловатым строением. В конце концов Джервейз решил свернуть направо. Дойдя до комнаты в конце коридора, он кое-как вставил ключ в замочную скважину, но то ли ключ и замок были скверные, то ли сам он действовал слишком неловко, – во всяком случае ему пришлось долго повозиться с дверью, прежде чем она наконец открылась.

При виде округлых очертаний женской фигуры на его кровати, Джервейз воодушевился, тотчас же забыв о своих мелких неприятностях. Тревога, что виски могло понизить его способности, испарилась. Чувствуя предвкушение, Джервейз поставил лампу на небольшой столик возле кровати и быстро снял верхнюю одежду. Когда же скользнул под одеяло, оказалось, что служанка дремала. На ней была одна только тонкая льняная рубашка. Проводя ладонью по ее телу, Джервейз смутно осознал, что она сейчас казалась менее пышной, чем он ожидал. Зато она, похоже, помылась, и свежий аромат женского тела усиливал его возбуждение. Виски и похоть почти полностью отключили рассудочную часть его сознания, и Джервейз надеялся, что девушка скоро проснется. За деньги, которые заплатил шлюхе авансом, он, конечно, имел право рассчитывать на ее активное участие, тем более что внизу, в таверне, она казалась весьма охочей до таких развлечений. Задрав ее рубашку выше талии, он с удовлетворением заметил, что она открыла глаза. Джервейз наклонился над ней, чтобы поцеловать – ее мягкие губы тотчас

открылись под его губами, – но реакция девушки была какой-то вялой, к тому же... почему-то не чувствовалось опыта. Он провел рукой у нее между ног, и она на мгновение точно одеревенела, но потом вдруг начала энергично двигаться, воспаляя Джервейза до такой степени, что он совсем потерял голову. Он стал целовать ее в шею, но девушка почему-то завизжала. Сначала не очень громко, но затем так пронзительно и так близко от его уха, что он невольно отпрянул. «Надо было как следует ее разбудить», – подумал Джервейз. Стараясь успокоить девушку, он произнес:

– Милая, расслабься, это всего лишь я. Давай потише, не то разбудишь весь постоянный двор.

Поцелуй казался единственным надежным способом ее утихомирить, и он снова попытался ее поцеловать, но она отвернулась от него и снова завизжала. Тут Джервейз осознал, что женщина под ним очень уж худая, ее тело совсем не походило на зрелые округлости той служанки. И в тот момент, когда он наконец-то понял, что произошла ужасная ошибка, дверь распахнулась и раздался гневный голос:

– Грязные развратники!

Джервейз вздрогнул и повернулся лицом к незваному гостю. В дверях комнаты стоял высокий костлявый мужчина, одетый во все черное. Ошеломленный произошедшим, Джервейз молча таращился на него. А тем временем в коридоре, за спиной незнакомца, появился хозяин постоянного двора со своей пышнотелой женой – оба в наспех надетых

халатах, с выражением испуга на бледных лицах.

В комнате слышалось шумное дыхание человека в черном. В одной руке он держал свечу, в другой – пистолет со взведенным курком. Оружие уже само по себе вызвало к осторожности, но еще ббольшую тревогу вызывали глаза этого мужчины: белки виднелись со всех сторон вокруг радужной оболочки, – а на его узком худом лице было выражение безумца... или яростного фанатика. Несколько мгновений, показавшихся нескончаемыми, он молча смотрел на молодых людей, лежавших в постели. Потом, обращаясь к Джервейзу, сквозь зубы процедил:

– Значит, ты клюнул на приманку этой шлюхи? Она, Мэри, была моим наказанием. – Мужчина в черном прошествовал к кровати; шотландский акцент придавал его словам какую-то особую силу. – Меня зовут Гамильтон, и я слуга Божий. Я старался как мог держать мою дочь в чистоте, но даже мои молитвы не могут спасти женщину, которая была проклята еще до того, как родилась на свет. Я видел, как она смотрит на мужчин, как они шныряют вокруг нее, принимаясь. Она как сука в течке – послана искушать мужчин им на погибель. Видит бог, я пытался уберечь ее от ее же собственной порочной натуры, но с этим покончено. Теперь она твоя. – Он понизил голос до зловещего шепота и со злобным удовлетворением повторил: – Да, она твоя.

Гамильтон остановился возле кровати, да так близко, что на грудь Джервейза упали капли горячего воска его свечи.

Как ни странно, наряд Гамильтона был одеждой джентльмена, несмотря на цвет и строгий покрой. Джервейз в растерянности заморгал, потом ущипнул себя за руку. Последние десять лет его мучили кошмары, и он на мгновение подумал, что все это очередной кошмарный сон. Но человек, называвший себя священником, с силой ткнул его дулом пистолета в грудь, и металл оказался слишком холодным и твердым, так что едва ли все происходившее могло быть сном.

– О да, мой прекрасный лорд, она твоя. – Эти слова прозвучали почти ласково, но потом священник вдруг взорвался: – Аристократ проклятый! Ты не мог сдержать свою похоть, и теперь она твоя на всю жизнь, во всей своей испорченности! – На губах Гамильтона появилась слюна. – Вы друг друга заслуживаете! – со злорадной усмешкой заорал он. – Да, заслуживаете! А я теперь смогу снова вести благочестивую жизнь!

От страха сознание Джервейза начало проясняться, а затем страх сменился яростью.

– Приятель, я понятия не имею, как эта женщина оказалась в моей постели, – заявил он. – Не беспокойся, с твоей маленькой шлюшкой ничего не случилось. Она такая же, какой была, когда я ее тут обнаружил. Если она твоя дочь – забирай ее отсюда немедленно.

Глаза фанатика вспыхнули, и он направил дуло пистолета прямо в сердце Джервейза.

– Ну нет, сын шлюхи, – сказал он резким жутковатым го-

лосом. – Ты на ней женишься. Может, у нее душа потаскухи, но в глазах мира она невинна. – Безумец сделал паузу, потом с едким сарказмом продолжил: – Даже таким джентльменам, как ты, не позволено портить девушек благородного происхождения. Не моя вина, что ты поддался на ее хитрые уловки. Ты на ней женишься – и сделаешь это прямо сейчас, в этот самый час. И тогда я от нее освобожусь.

Тут в голове Джервейза словно что-то шелкнуло, и все в этом кошмаре прояснилось. Во всяком случае, он осознал два факта, которые никак не мог игнорировать. Во-первых, Гамильтон – совершенно безумный фанатик, одержимый человек. А во-вторых, он со всей хитростью безумца очень ловко устроил ловушку и застал его, богатого англичанина, в компрометирующей ситуации. Джервейз проклинал себя за глупость. Отец, не баловавший его вниманием, все же один совет постоянно повторял: главное в жизни – остерегаться ловушек. Богатые молодые мужчины, у которых похоти больше, чем здравого смысла, уязвимы к козням желающих получить долю от их богатства. Именно по этой причине Джервейз в своих похождениях ограничивался девушками не очень строгих принципов: вроде сегодняшней пышногрудой служанки, – девушки же из благополучных семей были опасны. А может, служанка участвовала в заговоре? Слишком уж смелой была она в своем заигрывании... А когда он проглотил наживку, ей оставалось только отойти в сторону. И, конечно же, она получила за это куда больше денег, чем за

обычную ночь с женщиной. А он, Джервейз, спяну не заметил подмену. Как-то раз в одном загородном доме с ним уже случилось нечто подобное, но тогда он был трезв, поэтому прогнал потаскушку еще до того, как их могла «случайно» обнаружить ее мать.

Джервейз посмотрел на девушку, из-за визга которой девушка захлопнулась. Она очень хорошо играла роль оскорбленной девственницы. Ее лица не было видно за темной массой спутанных волос, из-под которых теперь доносились очень правдоподобные всхлипывания. И было ясно: всю эту историю от начала до конца спланировал ее отец. При виде извращенного удовольствия от содеянного, написанного на лице безумца, Джервейза покинули остатки выдержки. Наплевав на последствия, он рванулся вперед, схватил обеими руками пистолет и резко повернул его, пытаясь вырвать из рук Гамильтона. Джервейз застиг священника врасплох и сумел завладеть оружием, однако курок оказался пружинный, и пистолет выстрелил в руках Джервейза. Пуля попала в кровать рядом с ним, но будь угол немного другим – угодила бы прямо в грудь. В тот же миг он скатился с кровати и вскочил на ноги; к счастью, панталоны он снять не успел. Его положение и так уязвимо, не хватало еще, чтобы его застали голым! Пистолет же был довольно дорогой и элегантный – с такими джентльмены ходили по наиболее опасным улицам Лондона. Весьма странный выбор для сумасшедшего на Гебридских островах... Джервейз швырнул пистолет в

дальний угол спальни, чтобы он больше ни для кого не представлял опасности.

Но Гамильтон, даже разоруженный, не утратил самообладания, хотя его жертва теперь стояла на ногах. Глядя молодому человеку прямо в глаза, он резко проговорил:

– Ты от меня так легко не уйдешь! Ты скомпрометировал мою дочь, и тому есть свидетели, поэтому она твоя.

Джервейз отдал бы половину своего наследства – только бы иметь сейчас ясную голову. Взглянув на хозяина постоянного двора, мявшегося в дверях, он твердо сказал:

– Ради бога, уберите от меня этого сумасшедшего. Я не знаю, что за игру он ведет, но я не желаю в ней участвовать.

Гамильтон тоже взглянул на хозяина и с усмешкой произнес:

– Хейс, входи же. Ты и твоя жена – вы будете свидетелями венчания.

Хозяин таверны и его жена нерешительно вошли в комнату, ужасно подавленные внезапным несчастьем, обрушившимся на их постоянный двор. В коридоре маячили еще какие-то люди, но они предусмотрительно держались на расстоянии.

Джервейз сделал глубокий вдох и с решительным видом заявил:

– Мы можем поговорить об этом утром. Я не могу жениться на девушке среди ночи.

– О нет, мой дорогой, это произойдет сейчас. – Глаза

безумца смотрели на него непреклонно и даже с какой-то издевкой.

Джервейз ненадолго задумался. Возможно, сумасшедший клирик разыгрывал весь этот спектакль из-за денег, но он считал своим долгом преследовать нечестивцев. И скорее всего он действительно хотел избавиться от дочери, которую не любил и презирал.

– Если вы хотите денег за ущерб, нанесенный нервам вашей дражайшей дочери, я вам заплачу, – сказал Джервейз. Как ни претила ему мысль поддаться на шантаж, в сложившейся ситуации это могло быть самым мудрым выходом.

– Оставь себе свои грязные деньги! – с презрительной усмешкой заявил Гамильтон. – Искупить содеянное зло может только твое имя, ничто другое. – На его худом лице с ввалившимися щеками появилась гримаса злобного ликования. – В Англии ты бы не мог так быстро на ней жениться, там официальная церковь просто шлюха Рима, но здесь Шотландия. Не нужны объявления в церкви, не требуется и разрешение архиепископа. Эти богобоязненные люди, – он кивнул на хозяина постоялого двора и его жену, – меня знают, и они выступят свидетелями. Им известно, как я старался сохранить дочь в чистоте, и что не по моей вине это не удалось.

Джервейз невольно вздохнул. Кошмарный «сон» становился все ужаснее. Из-за того, что в Шотландии чрезвычайно легко заключались браки, Гретна-Грин, небольшая дере-

вушка на самом юге страны, уже много лет была тем местом, куда влюбленные пары сбегали, чтобы обвенчаться. По древней традиции в Шотландии мужчина и женщина могли пожениться, просто объявив себя мужем и женой в присутствии свидетелей, так что брачная церемония, проведенная священнослужителем, могла бы считаться вдвойне законной.

Но помимо юридических вопросов было еще одно обстоятельство, от осознания которого желудок Джервейза внутренне содрогнулся. Этот священник явно считался джентльменом, а взрослые дочери из высшего сословия были неприкосновенны. Не важно, что ему подстроили ловушку, главное – его застали с девушкой в постели, и по коду чести из этого положения был только один достойный выход. Джервейз пребывал в растерянности и в то же время в ярости сжимал кулаки. В итоге верх взяло чувство долга.

Подробности церемонии не отложились в сознании Джервейза. Гамильтон со свечой в руке прочитал по памяти слова венчального обряда, чуть задержавшись лишь затем, чтобы перед венчанием узнать имя жениха. Невеста же оставалась в постели – ее удерживала то ли скромность, то ли страх, – а Джервейз стоял неподалеку от нее спиной к стене, голый по пояс и мрачный как туча.

Мэри Гамильтон едва слышно, прерывающимся голосом пробормотала надлежащие ответы на вопросы священника, а хозяин постоялого двора и его жена неловко переминались с ноги на ногу, стоя чуть в стороне; в эти минуты им хотелось

только одного – чтобы все как можно скорее закончилось и было забыто без ущерба для репутации их постоянного двора.

После церемонии у Гамильтона оказались наготове перо, чернила и бумага, и это лишь подтвердило догадку Джервейза – да, ему подстроили ловушку. Он оказался богатым голубем для желающих его ощипать. В глазах священника светилося торжество, когда он громко проговорил:

– Желаю вам счастья с этой шлюхой. – Он облизал губы, злорадно усмехнулся и вышел из комнаты.

Не дожидаясь, когда дверь закроется, Джервейз взглянул на Хейса и приказал:

– Разбудите моего слугу и скажите, чтобы готовил лошадей и вещи. Мы уезжаем не позже чем через час.

Хозяин постоянного двора уставился на него так, как смотрят на сумасшедших, однако молча кивнул и поспешил удалиться, плотно закрыв за собой дверь. Джервейз же остался наедине со своей новобрачной.

Немного поразмыслив, он с мрачной решимостью шагнул к двери и повернул ключ в замке, что следовало сделать с самого начала, как он только вошел. Будь у него достаточно здравого смысла сделать это... тогда, возможно, все сложилось бы по-другому. Комнату освещала только масляная лампа, с которой он пришел, и, судя по угасающему пламени, масла в ней почти не осталось.

Джервейз подошел к своей новобрачной и посмотрел на нее с холодным презрением. Но она лежала спиной к нему,

плотно завернувшись в одеяло, так что лица девушки он не видел; трудно было рассмотреть даже очертания ее фигуры. Он схватил ее за плечо и повернул к себе лицом – оно было осунувшееся и заплаканное. Неудивительно, что отец избавился от нее, выдав замуж таким манером, – такая ведь никому не нужна. Только одержимый мыслями о грехе – как Гамильтон – мог вообразить, что столь непривлекательное существо могло притягивать восхищенные взгляды мужчин. Его, Джервейза, обвели вокруг пальца, и эта маленькая шлюшка участвовала в фарсе, иначе не оказалась бы в его комнате. Интересно, во многих ли постелях она побывала, участвуя в вымогательстве? Сколько раз она визжала с видом оскорбленной добродетели? Ее игра была очень убедительной, явно отшлифованной долгой практикой, а папаша играл свою роль прямо-таки вдохновенно. Он, Джервейз, конечно же, был самой богатой добычей, попавшей в их сети, поэтому в награду ему досталась сомнительная честь жениться на этой девице. Однако же... Ведь если такая же сцена была разыграна во всех подробностях уже много раз, то Мэри Гамильтон повинна еще и в многомужестве.

Грань между гневом и страстью бывает иногда очень условной. Пока Джервейз смотрел на девушку, гнев возбудил желание, на время утраченное из-за этой нелепой свадьбы, а выпитое виски все еще туманило разум, так что он не видел никаких логических несоответствий в ходе своих мыслей. Глядя на девушку, он резко проговорил:

– Что ж, Мэри Гамильтон, ты хотела богатого мужа, и ты его получила. И если ты не многоженица, то в один прекрасный день станешь виконтессой Сент-Обин. Стоило ли ради этого затевать грязную игру? Или ты только выполняла волю своего отца?

Темные глаза настороженно наблюдали за ним из-за завесы волос, но девушка ничего не отвечала. Ее молчание ужасно раздражало Джервейза – так же как и все остальное в эту отвратительную ночь. Он сорвал с нее одеяло, и его глазам открылось худенькое тельце в ночной рубашке. Девушка потянулась за простыней в попытке прикрыться, но Джервейз крепко схватил ее за руку – под пальцами его чувствовались тонкие и хрупкие, словно у воробышка, косточки. С трудом верилось, что такая юная девушка могла быть настолько двуличной, но она же не пыталась отрицать его обвинения... В мерцающем свете лампы Джервейз даже заметил на ее лице под спутанными волосами ухмылку, и это еще больше подогрело его гнев.

– О нет, миледи, слишком поздно изображать невинность, – сказал он тихим угрожающим голосом. – Ты получила то, что хотела, даже намного больше. Как быть шлюхой, ты уже знаешь, теперь я тебе покажу, что значит быть женой.

Девушка съежилась и отпрянула. Ее темные глаза расширились, когда он лег с ней рядом, но она не попыталась убежать. Джервейз выпустил руку хрупкой молоденькой жены и, приподнявшись, накрыл ее своим мускулистым телом. При-

жимая Мэри к матрасу, он задрал ее ночную рубашку. Фигура у нее была почти детская: ничего похожего на пышные женские формы, которые он предпочитал, – но в нынешнем состоянии бездумной ярости ему было все равно. Она была женщиной, и он собирался отомстить за женское предательство традиционным мужским способом. Эта шлюха заплатит за то, что вместе со своим папашей сделала. В конце концов, она его жена, и он заявит на нее свои супружеские права. Только один этот раз, разумеется...

Поначалу Мэри была совершенно пассивной – ее ноги легко раздвинулись, и она, заерзав под ним, тихо пробормотала какие-то слова, но Джервейз не понял, какие именно. Возможно, она была возбуждена. Он этого не знал – да и не хотел знать. Никогда еще он не был столь мало заинтересован в том, чтобы доставить удовольствие партнерше. Весь его гнев обратился в мстительную похоть, и он вошел в нее одним мощным толчком. Ее узкое лоно воспротивилось, и ему стало больно, но его боль была ничтожной по сравнению с ее болью. Мэри Гамильтон судорожно дернулась и завизжала – да так громко, что от ее визга Джервейз почувствовал резь в ушах. Чтобы прервать этот крик, он зажал ей рот ладонью, и Мэри впиалась в нее зубами. Энергично двигаясь, после дюжины яростных толчков он достиг разрядки – семя излилось в лоно жены, и одновременно с этим гнев покинул его. Джервейз никогда еще не занимался любовью с девственницей, но достаточно знал об этом, чтобы в полной мере осознать про-

изошедшее. Ему стало не по себе. Ведь какие бы преступления Мэри Гамильтон ни совершила, она никогда раньше не знала мужчину. И сейчас ее сотрясали рыдания, хрупкое тельце конвульсивно подергивалось.

Тяжело вздохнув, Джервейз улегся на спину и прикрыл рукой глаза. По мере того как к нему возвращался здравый рассудок, под пеплом отгоревшей ярости проступало чувство вины и отвращения к самому себе. Да-да, он вел себя отвратительно, воспользовавшись беспомощной девушкой. Понятно, что она участвовала в сговоре, чтобы завлечь его в ловушку, и, несомненно, была в душе шлюхой, но она не заслужила такую месть.

Снова вздохнув, Джервейз приподнялся и сел, свесив ноги с кровати. Содрогаясь от отвращения к себе, он закрыл лицо ладонями. Просидев так минуту-другую, он поднял голову и присмотрелся к девушке, на которой женился. Хотя у него не было опыта с девственницами, он понимал, что следовало кое-что сделать. Джервейз встал, взял с умывальника льняное полотенце, свернул и протянул девушке.

– Положи между ног и сожми их, – проговорил он отрывисто.

Девушка посмотрела на него сквозь растрепанные волосы, потом взяла полотенце и сделала как он сказал. Накрывая ее одеялом, Джервейз осознал, что она слишком уж юная – возможно, ей было... лет четырнадцать. Знала ли она, что означал брак, когда отец посвящал ее в свой план? Или ду-

мала, что это нечто вроде игры, которая принесет ей драгоценности и красивую одежду?

– Посмотри на меня.

Джервейз говорил бесстрастно, безо всякой интонации, но девушка все равно отпрянула. Он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. Она была совершенно сломлена, у нее не хватало духу даже закрыть глаза, чтобы не смотреть на него.

– Перестань плакать, – со вздохом сказал Джервейз. – Я больше ничего тебе не сделаю. И слушай меня внимательно, потому что я скажу это только один раз. Я не хочу больше тебя видеть. Мой адвокат – Джон Барнстейбл, и он находится в Лондоне, во внутреннем Темпле, так что можешь ему написать. Я сообщу ему о нашем злосчастном «браке», и он сделает так, чтобы ты получала содержание. Оно будет щедрым, так что ты и твой отец сможете жить на мои деньги с комфортом до конца жизни. Но у меня есть одно условие. – Глаза девушки по-прежнему ничего не выражали, и Джервейз с раздражением спросил: – Ты понимаешь, что я говорю? Ты же говоришь на английском?

Многие из шотландцев, живших на островах, знали только гэльский язык, но вполне можно было ожидать, что дочь священнослужителя получила какое-то образование.

Тут она наконец кивнула, и Джервейз продолжал:

– Я не хочу тебя видеть и не хочу ничего от тебя слышать. И если ты хотя бы приблизишься к Лондону или к любому из

поместий Сент-Обинов, то я лишу тебя содержания. Я ясно выражаюсь?

Мэри снова кивнула. Но сейчас, внимательно разглядывая ее, Джервейз поразился этому странному лицу. Да ведь эта девушка... Она была ненормальной. В выражении лица была какая-то странная вялость. Да и с ее глазами было что-то не так, но он не понимал, что именно. Возможно, девушка, которую он изнасиловал, была умственно неполноценной, поэтому не понимала, что отец для нее устроил. Джервейз в очередной раз вздохнул и поднялся на ноги. Он осознал тяжесть преступления, которое совершил, и ему стало тошно. Взять силой юную девственницу, пусть и интриганку, – поступок, достойный осуждения, даже если она формально стала его женой. Но изнасиловать несчастную, чья болезнь не позволяла ей понять, почему с ней так обращаются, – непростительный грех, такой же страшный, как тот, что он совершил в тринадцать лет.

Дрожащими похолодевшими руками Джервейз поднял с пола свою одежду и поспешно оделся. Сейчас ему хотелось только одного – поскорее убраться отсюда. Девушка же свернулась на кровати в клубочек, и единственным признаком жизни были ее глаза со странным взглядом. Понимая, что умственно неполноценная вряд ли запомнит его слова, Джервейз взял перо и чернила, приготовленные для регистрации их брака, и на обратной стороне своей визитной карточки написал крупными буквами имя и адрес своего адво-

ката. Кроме того, сделал приписку: «Гамильтон, никогда не привозите ее ко мне. Ей запрещено носить мое имя. Заботьтесь о ней хорошо. Когда она умрет, вы от меня больше ничего не получите».

Это гарантировало девушке хорошее обращение со стороны отца, поскольку в его же интересах будет заботиться о ней. От нее пахло чистым телом – вероятно, отец уже приставил к ней какую-то женщину, чтобы за ней ухаживала. Ведь на этих богом забытых островах сиделка на полный день стоила, наверное, совсем дешево.

Джервейз положил карточку на стол и взглянул на девушку. Та по-прежнему дрожала, поэтому он нашел в гардеробе одеяло. Когда же стал накрывать ее, она в страхе отпрянула. Джервейз сокрушенно покачал головой. Увы, он этого заслуживал.

Бессмысленный взгляд проводил его до двери, и Джервейз, остановившись, немного помедлил. Его законная жена походила на испуганного лесного зверька, в ужасе застывшего при виде хищника. Горло его сдавило спазмом, и он прошептал:

– Мне очень жаль.

Он сказал это скорее для себя, чем для нее, поскольку она, казалось, понятия не имела о происходившем. У Джервейза никогда не было оснований верить в существование великодушного Бога, но сейчас он молился, чтобы эта несчастная побыстрее забыла о том, что с ней произошло. Но он

понимал, что ему-то самому забыть о содеянном никогда не удастся.

Пять часов спустя Джервейз и его слуга Боннер сидели в рыбацкой лодке, переправлявшей их на материк. Скупой на слова, Боннер раньше служил в армии денщиком. Когда Джервейз приказал ему ни с кем и никогда не обсуждать события этой ночи, он лишь молча кивнул, затем занялся упаковкой вещей, а сам Джервейз ждал во дворе: больше ни секунды он не желал оставаться в этом ужасном доме.

Лодка плыла между островами, а Джервейз то и дело тяжело вздыхал. Пытаясь рассуждать логично, он говорил себе, что события сегодняшней ночи не имели особого значения. Тысяча фунтов в год, которую он назначит девушке на содержание, обеспечит ей и ее отвратительному отцу безбедную жизнь, но это почти никак не отразится на его собственном огромном состоянии. Большинство мужчин, наверное, очень огорчились бы, потеряв возможность жениться по собственному выбору, но для него это не имело значения. Он уже на протяжении последних десяти лет знал, что никогда не сможет жениться. Но никакая логика не могла избавить его от чувства вины, когда он думал о беспомощном ребенке, девочке, которую он изнасиловал. И ни выпитое виски, ни праведный гнев не могли быть оправданием его ужасного поступка. Это происшествие станет еще одним крестом, который ему придется нести.

Раскаяние терзало его, а решение отправиться в Индию, стать самостоятельным человеком и построить новую жизнь, освободившись от прошлого, казалось сейчас глупой фантазией. Джервейз никогда не доверял интуиции, но в эти минуты, глядя, как темный берег острова Мулл скрывался позади него в предрассветном тумане, не мог избавиться от тяжелого чувства обреченности. Где-нибудь когда-нибудь в будущем ему придется дорого заплатить за свою глупость этой ночью и непростительную потерю контроля над собой.

Глава 1

Йоркшир, январь 1806 год

На поросших вереском возвышенностях Йоркшира ветер дует непрестанно. Весной ветер приносит надежды, летом он нежный, как ласка любовника, а осенью в нем сквозит сожаление. Сейчас, в разгар зимы, ветер был порывистым и ледяным, он то и дело сотрясал ставни, угрожал дверям, испытывал на прочность все сделанное руками человека. Но коттедж Хай-Тор стоял прочно и уже сотни сезонов противостоял любым ветрам, а его толстые каменные стены были теплым раем для живших здесь людей.

Ресницы мальчика затрепетали и сомкнулись над его голубыми, словно лазуриты, глазами. Диана Линдсей нежно коснулась темных волос сына, чувствуя их шелковистость, потом села на стул рядом с кроватью – дожидаться, когда он крепко заснет. Большую часть времени – когда она управлялась с неугомонным пятилетним мальчишкой, с его запросами и порой ужасно раздражавшим ее своим поведением, – она не думала о том, как сильно любит Джоффри. Но в такие периоды, как этот, когда у него случался сильный припадок, нежность переполняла ее, и даже больно было сознавать, как дорога ей его жизнь и насколько она хрупка. Болезнь сына причиняла Диане много беспокойства, и порой она приходи-

ла в отчаяние, однако неизменно брала себя в руки.

Вскоре дыхание Джоффри стало глубоким и ровным, и Диана встала, собираясь выйти из комнаты. Она могла бы просидеть так всю ночь, просто глядя на сына, но это было бы с ее стороны проявлением слабости. До тех времен, когда Джоффри покинет ее, чтобы пойти по жизни своим собственным путем, оставалось еще много лет, но она уже заранее знала, как тяжело будет его отпустить. Даже выйти сейчас из его комнаты было ужасно трудно... Но Диана упорно готовила себя к тому дню, когда Джоффри покинет ее, чтобы принадлежать уже самому себе, а не ей.

Выйдя из спальни сына в коридор, она услышала, что ветер задул порывами: окна задребезжали, словно протестуя против приближавшейся бури. Было всего четыре часа пополудни, но стало почти темно. Диана выглянула наружу – и не смогла разглядеть небольшой сарай, отделенный от коттеджа всего лишь двором. Обычно ей нравилась зимняя буря: она любила уединение вересковых пустошей, когда погода была слишком сурова для походов в поселок. В такие дни она чувствовала себя в полной безопасности – ведь если обитатели коттеджа не могли выйти наружу, то и никакие опасности не могли оттуда прийти. Безопасность являлась справедливой компенсацией за уединение и простоту жизни в этом отдаленном уголке Йоркшира.

Диана заварила себе чай и села с чашкой, наслаждаясь покоем. Третий обитатель коттеджа, Эдит Браун, очень силь-

но простудилась, и Диана отправила ее в постель отдохнуть до ужина. Официально Эдит считалась экономкой, но была в такой же степени и подругой, и учителем. Женщины делили все обязанности по дому – от приготовления пищи и доения коровы до заботы о ребенке. У Дианы на сегодня особых дел не было, и она могла провести этот вечер за книгой или же за фортепиано. Такая перспектива должна была бы ее порадовать, но сегодня она испытывала какое-то странное беспокойство, которое никак не могла объяснить. Прочные стены из серого камня противостояли ветрам вот уже больше двух столетий, а запасов еды и дров в коттедже хватило бы на несколько недель. И все же беспокойство заставило ее подойти к окну и выглянуть наружу. Кроме кружившихся за окном снежных хлопьев, ничего не было видно. Диана машинально отбросила с лица темно-каштановую прядь и попыталась проанализировать причины этого непонятного беспокойства. За годы жизни она усвоила, что игнорировать такие ощущения опасно. В последний раз у нее возникло такое же острое предчувствие опасности, когда Джоффри было два года. Диана тогда думала, что сын спал, но безотчетная паника выгнала ее из дома, и она в последний момент успела схватить сына и вытащить из ручья – он забрался туда, чтобы поиграть, и соскользнул в глубокую заводь, где неизбежно утонул бы. При одном воспоминании об этом ее сердце начинало тревожно колотиться.

Усевшись в виндзорское кресло возле камина, Диана за-

крыла глаза и, расслабившись, снова попыталась проанализировать свои чувства, вспоминая все возможные поводы для беспокойства за Эдит и Джоффри, а также мелкие неприятности повседневной жизни. В итоге получилось то же самое – ее одолевало какое-то смутное ощущение, которому она никак не могла подобрать определение. Однако казалось, что вовсе не опасность к ним приближалась: Диана была уверена, что их маленькой семье ничто не угрожало, – просто она каким-то образом чувствовала: вместе с вьюгой к ним приближается кто-то или что-то. А что, если... Диана содрогнулась. Она вдруг поняла, что надвигается то, чего она и боялась, и желала. Надвигалась перемена.

Мадлен Гейнфорд родилась и выросла в этих краях, на «макушке» Англии, но забыла, какими колючими бывали здешние ветра. Когда она покинула свой дом, ей было всего семнадцать и в ее крови бурлили страсти юности. Теперь ей было за сорок, и в тот момент, когда возница высадил ее на деревенской площади Клеведена, родная деревня показалась ей незнакомой. Однако сам Клеведен изменился очень мало, все перемены произошли в ней самой. При ней сейчас только небольшая мягкая сумка, висевшая на плече. Свой дорожный сундук Мадлен оставила на постоялом дворе в Лейберне – приближалась снежная буря, и если бы она стала дожидаться другого транспорта, более вместительного, то могла бы застрять на несколько дней среди незнакомых людей. А

больше всего на свете ей хотелось умереть среди друзей.

Мадлен плотнее запахнула на себе подбитый мехом плащ, и почему-то ей снова вспомнился разговор, состоявшийся у нее с овдовевшей сестрой. Когда-то они были подругами – до того как Мадлен с позором покинула родной дом. Редкие письма, которыми обменивались сестры, были весьма сдержанными и касались только деловых вопросов, но Мадлен думала, что за прошедшие годы она послала домой вполне достаточно денег, поэтому могла рассчитывать на теплый прием по возвращении. Изабель рано овдовела, и если бы не деньги, которые посылала Мадлен, то ей и ее четверым детям пришлось бы туго.

Изабель открыла дверь – и замерла при виде младшей сестры. Удивление, написанное на ее лице, быстро сменилось гневом. Всего несколькими фразами, сказанными злобным тоном, Изабель Вульф ясно дала понять: хотя она милостиво принимала от сестры деньги, она не допустит, чтобы ее дети жили под одной крышей со шлюхой.

Ее последние слова все еще звучали в ушах Мадлен: «Ты сама постелила себе постель, и в ней лежал целый легион мужчин».

Мадлен никогда бы не подумала, что слова могут так больно ранить. Впрочем, ее никогда раньше и не называла шлюхой родная сестра. Только теперь, когда надежды больше не было, она осознала, как горячо надеялась на то, что найдет здесь убежище. Ее отчаяние и боль были так сильны, что она

могла бы рухнуть на землю прямо на том же месте, если бы импульсивное желание бежать отсюда не оказалось сильнее.

Она могла бы за деньги найти себе пристанище в одном из других домов, но в этом не было смысла. Зачем покупать себе еще несколько месяцев жизни в окружении чужих людей, которые ее не любили?

Мадлен перекинула через плечо ремень сумки и пошла дальше – вверх по склону холма, по неровной тропинке, бежавшей вдоль ручья до верхней части лощины. Она ходила по этой тропинке в детстве, когда хотела сбежать от домашних дел; тут, в безлюдной долине, можно было часами сидеть, мечтая о жизни за пределами Клеведена. И будет вполне естественно, если сейчас она в самый последний раз пройдет по этой же тропинке.

Когда стены коттеджей остались позади, ничто уже не защищало ее от резкого ветра – ледяные снежинки били в лицо и, кружась, опускались на побелевшую землю. Прошло много лет, но Мадлен узнавала влажную тяжесть в воздухе – было ясно, что буря усилится, и это могло отрезать графство от внешнего мира на несколько дней или даже недель.

Мадлен слышала где-то, что замерзнуть – безболезненный способ умереть, но вернулся ли кто-нибудь из могилы, чтобы это подтвердить? Мадлен невольно улыбнулась: было приятно, что чувство юмора все-таки не покинуло ее. Глупо было надеяться, что Изабель хоть как-то изменит свое отношение к ней.

Мадлен все шла и шла, но усталость в конце концов заставила ее остановиться под защитой одного из немногих низких деревьев. Минуту спустя, тяжело вздохнув, она медленно опустилась на землю. Можно было бы выбрать дерево поближе к деревне... Впрочем, какое это имело значение?

Снег начинал образовывать сугробы, а вокруг царило безмолвие – как в детстве в такую погоду. И Мадлен вдруг поняла, что очень скучала по снегу. В Лондоне снега было мало, и он совсем недолго оставался чистым. И, конечно, в Лондоне никогда не бывало тихо.

Мадлен прислонилась спиной к стволу дерева и закрыла глаза. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем она заснет вечным сном? Считается, что перед смертью люди видят сцены из своей жизни, но Мадлен думала в основном о Николасе. Какие же боль и гнев будут написаны на его худощавом лице, когда он обнаружит, что она исчезла. Он попытается ее найти, но никто, кроме ее адвоката, не знал, куда она отправилась. Да и откуда она появилась в самом начале – этого тоже никто не знал. Куртизанка никогда не обременяет своего покровителя скучными подробностями своего детства.

Мадлен вдруг почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Их с Николасом связывали не только деловые отношения – иначе она бы не сбежала. Но если бы она осталась в Лондоне... Даже сама мысль о том, что он видел, как она угасает, теряя остатки своей красоты, была невыносима. Воз-

можно, Николас бы ее бросил, но и это было бы очень болезненно. Хотя... скорее всего он остался бы с ней до конца, и это усиливало бы ее собственные страдания. Но было бы намного больнее сознавать, какую невыносимо высокую цену он платил бы, наблюдая за умиранием своей любовницы. Мадлен его любила и не могла этого допустить. Она всхлипнула и прижала руку к груди. Под пальцами чувствовался твердый ком. Она со вздохом уронила руку, не желая ощущать этот растущий чужеродный ком, съедавший ее жизнь.

Она осмотрелась. Вокруг царил абсолютный покой, благословенный покой. А ее темно-синий плащ был уже припорошен снегом. Интересно, найдет ли кто-нибудь мешочек с драгоценностями и золотом, который она спрятала под плащом? Или никто ничего не узнает, потому что дикие звери растащат ее кости? Лучше, чтобы их нашел кто-то нуждающийся и взял себе, а Изабель обойдется... «В конце концов, – подумала Мадлен с мрачным юмором, – я же не хочу запятнать сестру еще больше, чем уже запятнала». Падшая красавица тихо умирает в одиночестве в снегу – в этом образе было нечто поэтическое...

Но по мере того как проходили минуты, к Мадлен возвращались силы, и теперь ей уже казалось, что она пока еще не готова умереть. Будь она из тех, кто легко сдается, – умерла бы еще в работном доме много лет назад. Оказалось, что сидеть и ждать смерти – ужасно скучное занятие, а она никогда не любила скучать. Улыбнувшись при этой мысли, Мадлен

ухватилась за нижние ветки и медленно поднялась на ноги. Ох, ноги совсем онемели... Наверное, она слишком поздно передумала замерзнуть до смерти, и теперь ей не удастся вернуться в деревню. А в этой стороне домов очень мало. Да, мало, но она все равно попытается!..

Мадлен смутно помнила, что где-то здесь был коттедж, в котором во времена ее детства жила одна пожилая дама. После того как дама умерла, коттедж Хай-Тор пустовал. Возможно, он до сих пор пустовал, хотя даже и до него слишком далеко. Но никаких других укрытий в окрестностях не было, и Мадлен продолжила путь по тропинке; теперь ее стало почти не видно под снегом. Сомнительно, что она найдет убежище, но это не важно: по крайней мере, жнецу с косой придется потрудиться, чтобы ее скосить, и провалиться ей на этом самом месте, если она будет делать за него его работу!

Когда Диана вышла из дома, чтобы пойти в сарай, было уже совсем темно. Яростный ветер толкнул ее обратно к двери, и у нее перехватило дыхание. Диана вцепилась в дверную ручку, вглядываясь в снежную мглу. Впереди не видно было ничего дальше вытянутой руки. Слава богу, Эдит уговорила ее натянуть на зиму веревку между коттеджем и сараем. Сегодня вечером она была жизненно необходима. Диана медленно пошла вперед, скользя левой рукой по веревке; в правой она держала фонарь. Снегу навалило уже выше щиколотки, и около двери сарая намело небольшой сугроб,

так что открыть дверь удалось не сразу.

Диана вошла в сарай. Здесь было тепло от дыхания животных, негромко кудахтали куры. Она повесила фонарь на крюк под потолком и сняла перчатки, чтобы подоить корову. Пока доила, ветер усилился. Диана вышла из сарая и осторожно, чтобы не разлить молоко, двинулась вдоль веревки, прижимаясь к ней плечом и держа в одной руке ведро, в другой – фонарь. Она уже дошла до двери черного хода, когда сквозь шум ветра вдруг услышала чей-то голос. Сначала Диана подумала, что это просто один из звуков, производимых неистовым ветром, но минутой спустя – она уже открыла дверь – снова послышался чей-то голос.

Диана всматривалась в темноту, но не видела ничего, кроме кружившихся снежных хлопьев. Она шагнула в дом, но тут же снова что-то услышала. И теперь было ясно, что это действительно человеческий голос: кто-то кричал, скорее всего звал на помощь.

После недолгих раздумий Диана поставила ведро с молоком возле двери и вернулась к сараю. Там хранился большой запас веревки, и она связала несколько отрезков, так что получилась веревка длиной около сотни ярдов, после чего снова вышла наружу: в левой руке веревка, в правой – фонарь. Стараясь перекричать вой ветра, Диана громко позвала:

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Крик повторился. Диана пошла на голос, подняв фонарь

над головой: надеялась, что кричавший сможет ее увидеть. Или не сможет? Увы, сквозь слепящую белизну трудно было что-либо разглядеть.

Один раз Диана споткнулась и упала на колени, едва не уронив фонарь. Когда веревка кончилась, она остановилась и стала махать фонарем и кричать, пока не охрипла. Она уже готова была сдаться, когда из темноты вдруг выплыла покачивавшаяся женская фигура, закутанная в плащ с капюшоном. Диана обхватила одной рукой хрупкое изможденное тело и, стараясь перекрыть шум ветра, прокричала:

– Сможете пройти еще немного? Здесь недалеко!

Женщина кивнула и с видимым усилием выпрямилась, потом взяла свою спасительницу за руку повыше локтя.

Сквозь пургу, на ледящем холоде, дорога казалась бесконечной, и к тому времени, когда они добрались до коттеджа, Диана совершенно выбилась из сил. Одному богу было известно, как другая женщина ухитрялась передвигать ноги. Но как же она шла в такую ужасную ночь?

Диана едва не падала с ног, когда вошла в кухню и втащила за собой незнакомку. Встревоженная странными звуками, им навстречу вышла Эдит, на ходу завязывая пояс халата.

– Диана, ради бога, что... – Она умолкла в изумлении.

– Я услышала ее крик, когда подоила корову и возвращалась в дом. Должно быть, она увидела мой фонарь, – прохрипела Диана, усаживая женщину в кресло у огня.

Даже когда плащ незнакомки был запорошен снегом, бы-

ло видно, что он сшит из дорогого бархата. Но что могла ле-
ди делать на улице в такую ночь?

Диана откинула капюшон и прислонилась к стене у широ-
кого каменного очага. Она все еще тяжело дышала, никак не
могла отдышаться. Никогда еще она так не радовалась госте-
приимному теплу своей просторной кухни. Приветливо сия-
ли начищенные медные сковородки, а пучки сушеных пря-
ных трав и заплетенный в косы лук, свисавшие с потолка,
наполняли воздух своими ароматами.

Эдит же в этой ситуации действовала быстро и уверенно.
Она поставила воду греться, сняла с незнакомки плащ, по-
крытый снежной коркой, и стала осторожно растирать ее по-
белевшие руки. Когда вода закипела, экономка заварила чай,
добавила сахар и щедро плеснула в горячий напиток бренди.
Эдит было под пятьдесят, и сейчас она была в темно-зеле-
ном халате, а свои седеющие волосы заплела в длинную косу,
которую перекинула через плечо. Строгие черты лица этой
женщины портил багровый шрам поперек щеки. Она была
немногословна, но когда что-либо говорила, то в ее словах
была мудрость, а за строгим фасадом скрывалась подлинная
доброта.

Эдит дала Диане чаю, и та, обхватив холодными пальца-
ми кружку, с удовольствием прихлебывала горячий напси-
ток. Потом экономка дала с ложки немного чаю с бренди
незнакомке. Женщина сначала поперхнулась, но потом на-
чала пить из кружки, которую Эдит поднесла к ее губам.

Диана с любопытством присматривалась к госте. В теплой кухне от ее плаща стали подниматься струйки пара. Женщина была слишком уж худой, но в юности, наверное, была красавицей. Даже сейчас – ей на вид было лет сорок – ее овальное лицо оставалось красивым, а седина лишь слегка тронула темно-русые волосы.

– Положи ее на мою кровать, – сказала Диана, и собственный голос показался слабым даже ей самой. – А я лягу с Джоффри.

Она допила чай и пошла наверх, зная, что Эдит сделает все, что требовалось. Быстро раздевшись и оставшись в одной сорочке, Диана забралась в постель. Джоффри во сне прижался к ней своим теплым детским плечиком, и вскоре она тоже уснула.

Мадлен не видела «картинки» из своего прошлого, когда сидела в снегу под деревом и ждала смерти, но сейчас, в беспокойных снах, «картинки» мелькали перед ней одна за другой. Периоды кошмаров чередовались с периодами полубессознательного бодрствования, и тогда до нее смутно доносились звуки женских голосов и чьи-то руки кормили ее, давали ей лекарство, протирали ее губкой, когда она обливалась потом, и укутывали одеялами, когда ее знобило.

Затем ее сознание прояснилось. Она была так слаба, что едва могла поднять руку, но зато мучительная боль в груди прошла. Она лежала в маленькой комнате с белеными камен-

ными стенами. Была ночь, и свет давала только свеча на столике возле кровати. Мадлен сначала сосредоточила взгляд на пламени, а потом вдруг увидела женщину – та сидела у свечи и шила. Мадлен решила, что она все еще спит или, может быть, умерла. Если человек после смерти просыпается в раю, сидит ли рядом с ним ангел-проводник? Наверное, да, потому что эта женщина возле кровати была прекраснейшим созданием. Вот только... едва ли ангел мог быть таким эротичным. И, следовательно, она, Мадлен, отправилась во все не на небеса, а в другом направлении.

Услышав, что больная зашевелилась, молодая женщина подняла на нее взгляд, и Мадлен увидела удивительные глаза завораживающего лазурного цвета. Лицо женщины имело форму сердечка, и у нее были безупречно правильные черты лица. Густые волосы отливали красновато-коричневым блеском каштана, а простое платье из синей шерсти не могло скрыть необычайно изящную фигурку, в которой стройность сочеталась с изысканными округлостями. «В Лондоне подобная фигура принесла бы целое состояние», – промелькнуло у Мадлен.

Она мысленно упрекнула себя за такие мысли. Хотя эта женщина обладала редкой красотой и необыкновенной чувственностью, ее прекрасное лицо светилось безыскусной свежестью и невинностью Мадонны. Увидев, что больная открыла глаза, молодая женщина улыбнулась и, отложила в сторону шитье и сказала:

– Наконец-то! Мы очень за вас волновались.

Голос у нее был такой же прекрасный, как и все остальное. Хотя темно-синее платье с высоким воротом отличалось квакерской простотой, манеры и речь этой молодой женщины не показались бы неуместными в лондонской гостиной.

– Не хотите ли чего-нибудь попить? – спросила она.

Мадлен кивнула, чувствуя сухость в горле. Женщина приподняла ее и поднесла к губам кружку с чаем. Медово-сладкий вкус подействовал смягчающе. Сделав несколько глотков, Мадлен прошептала:

– Спасибо, теперь мне гораздо лучше.

Молодая женщина опустила ее обратно на подушки и поставила кружку на столик у кровати, потом сказала:

– Меня зовут Диана Линдсей. Вы находитесь в коттедже Хай-Тор, неподалеку от Клеведена. Вы три дня были в лихорадке.

– Последнее, что я помню... Я увидела свет и попыталась его найти, – пробормотала Мадлен. – Это были вы?

Диана кивнула.

– Да, я доила корову. Выходя из сарая, я услышала ваш голос и пошла посмотреть, что происходит.

Было трудно представить, что такое прелестное создание могло доить коров, но тут Диана приложила ладонь ко лбу Мадлен, и та не почувствовала шелковистой мягкости кожи, присущей рукам женщин, не знавших грязной работы.

– Вы ведь не одна здесь живете?

– Нет, со мной живет мой сын и экономка.

Найти в столь отдаленном месте дом, в котором нет мужчины, – это было весьма необычно, но у Мадлен не оставалось сил даже на любопытство, и она прошептала:

– Меня зовут Мадлен Гейнфорд, и я выросла в Клеведене, а теперь вернулась домой, но... – Ее голос прервался – ей не хватало сил объяснить, почему она оказалась одна среди пурги.

На милое личико Дианы набежала тень тревоги, и она тихо сказала:

– Сейчас вам лучше помолчать и отдохнуть. Для разговоров еще будет время.

Мадлен кивнула, закрыла глаза и снова задремала. И на этот раз ее не мучили кошмары.

Когда больная проснулась, было уже утро. Диана вошла в комнату и увидела, что Мадлен Гейнфорд открывает глаза. В это время суток комнату заливал солнечный свет, наполняя ее теплом, а беленые стены, казалось, светились. Женщина, лежавшая на кровати, окинула взглядом комнату – дубовые гардероб и комод, овальный плетеный коврик и милые акварельные рисунки, висевшие на стенах. Наверное, по сравнению с тем, к чему она привыкла, все это должно было показаться ей слишком уж скромным, но на ее лице не отразилось ни намека на презрение.

– Не хотите ли поесть? – спросила Диана.

Гостья кивнула. Диана ушла в кухню и вернулась с миской ароматного супа-пюре с маленькими кусочками курицы и лука-поррея. Она помогла пациентке сесть и стала кормить ее с ложечки – как ребенка.

– Спасибо, миссис Линдсей, – сказала гостья, когда миска опустела. – Вы очень добры. – Ее голос стал сильнее, а на лице появился здоровый румянец.

Эдит заплела ее темные волосы в косу и передела во фланелевую ночную рубашку. Ее взгляд был спокойным, хотя в глубине больших карих глаз таилась печаль.

– Не знаю, как вас благодарить. Если бы не вы, я бы умерла в снегу.

– Так гораздо лучше, – сказала Диана с улыбкой. – Было бы неприятно обнаружить ваше тело весной, когда растает снег.

Эти слова вызвали у гостьи улыбку и, взглянув на хозяйку, она проговорила:

– Если вы сможете достать в деревне повозку, я уеду. Мне не следует здесь находиться. – Мадлен вздохнула и отвела глаза. – Я не хочу становиться обузой.

– По дорогам еще какое-то время невозможно будет проехать, так что торопиться некуда, – ответила Диана. – А по поводу того, что вы обуза, не беспокойтесь. Вы – самое интересное событие, которое здесь произошло за последние несколько лет. – Несколько секунд Диана колебалась, но любопытство взяло верх. – А как получилось, что вы заблуди-

лись в пургу?

Мадлен закрыла глаза, и сейчас казалась необычайно печальной и усталой. Когда же она заговорила, ее голос был чуть громче шепота.

– Я не заблудилась. Я хотела умереть. – Она открыла глаза, но посмотрела не на Диану, а мимо нее. – Потом решила, что еще рано, что еще не готова. – Помолчав, она ровным голосом добавила: – Видите ли, я умираю. Я вернулась в Клеведен, чтобы остаться с моими родными, но сестра не пустила меня в дом. – Она явно привычным жестом прижала руку к груди и закончила уже не таким ровным голосом: – Но моя болезнь не заразна. Я не представляю опасности для вашей семьи.

Эти слова и жест объясняли почти все, что касалось болезни гостыи, однако же...

– Но почему ваша сестра не хочет, чтобы вы остались с ней?

Мадлен долго молчала, и Диана уже подумала, что, возможно, она не станет отвечать или солжет, но тут на ее лице появилось выражение решимости и она сказала:

– Вы, наверное, нашли мешочек, который я носила под платьем. А вы его открывали?

– Нет, – покачала головой Диана. – Принести его вам?

Мадлен кивнула. Диана подошла к дубовому комоду и достала маленький, но увесистый кожаный мешочек, который Мадлен носила на себе. Диана и Эдит обсуждали, стоит ли

его открыть, и решили этого не делать, если только их гостья не умрет от легочной лихорадки.

– Можете в него заглянуть, – сказала Мадлен.

Присев на стул, Диана развязала кожаный шнурок и открыла мешочек. Внутри оказалось множество мелких предметов разной формы, завернутых в бархат. Диана развернула верхний сверток и ахнула – на колени ей упало великолепное ожерелье с крупными кроваво-красными рубинами, ярко горевшими в солнечном свете. В следующем бархатном свертке оказались серьги с бриллиантами и сапфирами, в глубине которых словно горело голубое пламя. Ошеломленная, Диана продолжала разворачивать свертки, и вскоре у нее на коленях лежала сверкающая гора драгоценностей, поражающая своим великолепием: тут были бриллианты, изумруды, опалы и другие камни, названия которых она не знала. Все эти драгоценности были в искусно выполненных оправках, и такие украшения вполне могла бы носить и королева.

Диана подняла вопросительный взгляд на гостью, и та, невесело улыбнувшись, сказала:

– Они не краденые. В чем бы я ни была грешна, но я не воровка.

– Я и не думала, что вы воровка, – ответила Диана.

Глядя на солнечный зайчик на стене, Мадлен безо всякого выражения проговорила:

– Я заработала эти драгоценности тем единственным способом, каким может зарабатывать женщина, хотя многие

осуждают подобное занятие. Моя сестра не захотела, чтобы я оскверняла ее дом своим присутствием.

Диане потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы понять, что Мадлен имела в виду, но даже и после этого она никак не могла связать то, что знала о проституции, с этой хрупкой женщиной, которая лежала сейчас перед ней и, судя по всему, ждала слов осуждения. Диана молчала, не зная, что сказать, наконец спросила:

– Кто ваша сестра?

– Изабель Вульф.

– В самом деле? – Диана встречала эту женщину, но никогда не беседовала с ней. И сейчас, всматриваясь в лицо Мадлен, она с удивлением проговорила: – Но вы совсем на нее не похожи. Она намного старше вас?

– Всего на три года. – Мадлен вздохнула. – Сейчас в это трудно поверить, но когда-то она была хорошенькой, а еще благочестивой, хотя не до такой степени, как сейчас. Но я не виню ее за то, что она не хочет видеть в своем доме шлюху.

Мадлен произнесла эти слова самым будничным тоном, но Диана видела, что ей было очень не по себе. Однако же она проявила храбрость и честность – качества, которые Диана очень ценила. Более того, каким бы ни было прошлое Мадлен, она не чувствовала в этой женщине порочности. И если уж начистоту, то ей было даже интересно познакомиться с женщиной, которая вела такую... невообразимую жизнь. Диана задала бы больше вопросов, но видела, что лицо го-

стыи посерело от усталости. Она завернула украшения в бархат и без обиняков сказала:

– Возможно, вы свою сестру не вините, а я виню. Для женщины, которая гордится своей добродетельностью, она слишком жестока и наверняка забыла о христианских добродетелях. Кто-то должен напомнить ей про Иисуса и Марию Магдалину.

– Спасибо, что не осуждаете меня. – Мадлен с облегчением выдохнула. – Не беспокойтесь, как только дороги очистятся, я уйду.

Диана нахмурилась. Мадлен Гейнфорд находилась не в том состоянии, чтобы путешествовать. Кроме того, эта женщина чем-то очень ее привлекала, и ей хотелось побольше узнать о ней самой и о том таинственном мире, из которого она пришла.

– Куда вы пойдете?

– Не знаю. – Мадлен пожала плечами. – Может быть, сниму дом в какой-нибудь деревне на юго-востоке, где климат помягче. Дом не понадобится мне надолго.

– Вам вовсе не обязательно уходить. – Диана сказала это под влиянием мгновенного порыва, которого не могла бы объяснить, – просто почувствовала, что так будет правильно.

Мадлен посмотрела на нее. Она довольно долго молчала, потом с удивлением проговорила:

– Вы готовы принять меня... падшую женщину? Вы позволите жить мне под одной крышей с вашим ребенком? Я же

вам никто, совершенно чужая.

– Да, но у нас с вами есть кое-что общее. Завидев меня, ваша сестра переходит на другую сторону улицы, чтобы со мной не встречаться. – Диана улыбнулась и взяла Мадлен за руку. – Мы здесь обе отверженные. Вы можете оставаться у нас столько, сколько захотите.

Глаза Мадлен защипало от слез. Она мучительно пыталась сделать выбор – принять предложение или отказаться? Родная сестра отвернулась от нее. Неужели возможно, что она найдет приют, который искала, в доме незнакомой женщины? И она не нашла в себе сил отказаться от того, в чем так отчаянно нуждалась.

– Благослови вас Бог, – прошептала Мадлен.

Глава 2

Отдыхая после работы в саду, Диана с гордостью смотрела на свою бывшую пациентку. С тех пор как Мадлен появилась из вьюги, прошло больше года. И она вовсе не угасла – напротив, окрепла телом и духом. Нынешняя Мэдди была весьма привлекательной женщиной в расцвете сил и полноправным членом семьи, с радостью выполнявшим свою долю обязанностей. Сегодня, стоя на коленях на обрывке старого ковра, она помогала Диане высаживать в землю апрельскую рассаду. Диане вдруг пришло на ум странное сравнение: Мадлен тоже как будто пересадили из неплодородной почвы в ту, где она могла расцвести, и она действительно расцвела. Более того, она стала настоящим членом семьи, и Диана с трудом вспоминала, какой была жизнь без нее. Джофффри сразу же принял ее как тетушку, а вот Эдит поначалу относилась к ней настороженно, но они обе выросли в провинциальной глубинке Йоркшира, поэтому скоро подружились.

Диану снедало беспокойство – в крови бурлила весна. В конце концов, поддавшись порыву, она решила, что пришло время расспросить Мадлен о ее прошлом. Джофффри спал после обеда, Эдит ушла в Клеведен, и они с Мадлен остались вдвоем, что и требовалось для такого разговора. Мэдди и до этого много рассказывала о прелестях и опасностях Лондона: о моде, о политике, о манерах и о многом другом, – но ни

разу не упомянула об особенностях жизни женщины легкого поведения.

Собравшись с духом, Диана тихо сказала:

– Если ты не против об этом рассказать... каково это быть... такой, как ты? – Внезапно смутившись, она наклонилась и воткнула совок в землю.

Мадлен подняла на нее свои карие глаза, светившиеся весельем с улыбкой проговорила:

– А я все гадала: когда же ты об этом спросишь? Когда я только пришла сюда и призналась, кто я такая, ты не отвергла меня с презрением, но... посмотрела так, будто я диковинное существо.

Диана покраснела и копнула землю глубже, чем требовалось.

– Извини, я не хотела тебя смутить. – Мэдди хмыкнула. – Я совсем не против об этом поговорить, если ты в самом деле хочешь послушать. Ну что ж... – Она ненадолго задумалась. – Честно скажу, для меня это была неплохая жизнь. Мне повезло: не пришлось работать на улицах. Видишь ли, я была одной из киприанок, модных падших, и обычно меня содержал какой-нибудь мужчина. Каждый раз – только один. – Мэдди чуть пододвинула свой коврик и начала выкапывать новый ряд ямок. – По сути, в моей постели побывало даже меньше мужчин, чем у многих великосветских дам, но они респектабельные, потому что продавали себя с клятвами у алтаря.

– А как ты стала одной из... модных падших?

Смущение Дианы сменилось любопытством. Это была бесценная возможность побольше узнать о той таинственной половине человеческого рода, которая не относилась к женскому полу, – узнать от женщины, знавшей об этом гораздо больше других.

– Стала самым обычным манером, – с усмешкой ответила Мадлен. – В шестнадцать лет я сошлась с парнем из соседней деревни. Я и представить не могла, что он меня предаст, но ему было всего семнадцать, он очень торопился жить и поэтому не стремился к браку. Когда же узнал, что я в положении, сбежал в армию. – Мадлен пожала плечами. – Кроме того, я не нравилась его семье. Они сказали, что это я во всем виновата – носила слишком откровенные платья и бегала за парнями.

– Всегда винят женщину, не так ли? – пробормотала Диана с горечью в голосе.

Взяв очередной саженец, она опустила его в лунку и аккуратно просеяла пальцами землю, удаляя комья и камешки, потом, уплотняя, похлопала по ней совком.

Мадлен взглянула на нее с некоторым удивлением.

– Ах, дорогая, конечно, все винят женщин, даже они сами. Моя мать всегда говорила, что я предрасположена к греху. Что ж, может, и так... Достаточно было только запретить мне что-нибудь, и я тут же пыталась сделать именно то, что запретили. Когда я сказала матери, что жду ребенка, она вы-

швырнула меня из дома и отправила в приход, чтобы об этом позаботилась церковь. А моя сестра Изабель очень рассердилась. Она осуждала меня, но все же дала мне немного денег, которые скопила на собственную свадьбу. – Мадлен вздохнула. – Сейчас сестра меня презирает, но я постоянно себе напоминаю, что она была ко мне добра тогда, когда я больше всего в этом нуждалась. Но, как это часто случается, приход отказался от незаконнорожденного. Они отправили меня в Лондон... в тряской повозке. А в Лондоне повозки из графства встречала аббатиса. – Мадлен покосилась на Диану и пояснила: – Аббатиса – это женщина, которая содержит бордель. То есть так их иногда называют...

Диана молча кивнула: ей приходилось читать об этом в книгах, – а ее подруга тем временем продолжала:

– Я была совсем неопытной девчонкой, а Лондон оказался совсем не таким, как мне представлялось, – шумным и пугающим. Когда хорошо одетая женщина предложила мне работу в ее доме, я согласилась. Тогда я не знала, какого рода дом она имела в виду. – Мадлен помолчала, вспоминая свою наивность и потрясение, когда узнала, о какой работе шла речь. – Я оказалась удачливее многих. Мадам Клотильда держала довольно приличный бордель, насколько такие заведения вообще могут быть приличными. И у нас обслуживали только богатых мужчин. Хозяйка заботилась о том, чтобы все девушки были здоровы и хорошо одеты, – это шло на пользу делу. А ведь я, наивная, могла бы попасть и в дру-

гие руки. Вот только... – Ее голос дрогнул, и она умолкла.

Диана посмотрела на нее и мягко сказала:

– Не нужно ничего больше говорить, если ты не хочешь.

– Нет-нет, все в порядке. – Мадлен едва заметно улыбнулась. – Это ведь было очень давно, просто... Мадам Клотильде, конечно, не нужны были беременные девушки. Она вызвала аптекаря, и... они убили ребенка. Я даже не понимала, что происходило, пока не стало слишком поздно. – При этих воспоминаниях лицо Мэдди исказилось. – Мне тогда было очень плохо, и я едва не умерла. А когда выздоровела, оказалось... Оказалось, что я больше никогда не смогу иметь детей.

Диана коснулась руки подруги, выражая сочувствие, и пробормотала:

– Мне очень жаль... Не надо было об этом спрашивать.

Мадлен улыбнулась и покачала головой:

– Нет, дорогая, сказав все это, я почувствовала себя лучше. Тогда это было для меня большое горе, но, как часто случается, имелась и хорошая сторона. То есть мне не нужно было беспокоиться о том, что можно забеременеть. При такой работе это огромное преимущество.

Диана испытующе всматривалась в лицо подруги, пока не поняла, что та действительно спокойна. Всевозможные бедствия и испытания не всегда укрепляют характер, но, очевидно, в ее случае именно это и произошло. Мадлен была мудрой женщиной и очень терпимой – важные христиан-

ские добродетели. Какая ирония судьбы, что ее благочестивая сестра ими не обладала.

– Остальная часть истории менее драматична, – продолжала Мэдди. – Мадам Клотильда была очень раздосадована из-за того, что я несколько недель не могла работать. Но она меня не вышвырнула, и за мной ухаживали другие девушки. Окажись я на улице – не выжила бы. Ведь из всех наших сестер самая тяжелая жизнь у тех, кто работает на улицах. Они за один год стареют лет на десять, если вообще выживают. Но, как я уже сказала, мне повезло гораздо больше. Когда я выздоровела, мне дали новое имя. Клотильде нравилось давать всем своим девушкам французские имена. Сама она родилась в Гринвиче и никогда не бывала во Франции, но в мире дам полусвета ты можешь называться так, как сама захочешь. Меня при рождении назвали Маргарет, но поскольку Маргарет у Клотильды уже была, я стала Мадлен. Мне это имя понравилось, а позже я поняла, что оно очень даже подходящее. Ведь Мадлен – французский вариант имени Магдалина, то есть идеальное имя для моего ремесла. – Она улыбнулась и вновь заговорила: – Так вот через несколько месяцев работы на Клотильду я оправдала ее веру в мою внешность, когда один пожилой банкир увлекся мною и купил для личного пользования.

– Купил? – изумилась Диана. Она, конечно, ожидала, что рассказ подруги ее шокирует, но не настолько же...

– По сути – именно так. – Мадлен пожала плечами. – Но

все это не так ужасно, как может показаться. Меня вполне устраивало, что я ушла с ним, потому что моя жизнь стала намного легче. Он обеспечил меня жильем, а также покупал одежду и все, что мне требовалось. Кроме того, заплатил мадам Клотильде за то, что она лишилась моих услуг, – так обычно всегда бывает в подобных случаях. Он во всем мне потакал и большую часть времени обращался со мной как с дочерью, кроме тех моментов, конечно, когда мы действительно... – Мадлен запнулась, не зная, как приличнее выразиться. – Он содержал меня три года и под конец вознаграждал очень щедро. По состоянию здоровья он переезжал в Брайтон и сказал, что все равно становится слишком стар для любовницы. Я очень по нему скучала. – Мадлен помолчала, вспоминая о том времени, и на губах ее появилась улыбка. – А после этого, – продолжала она бодрым голосом, – я стала одной из аристократок нашей профессии, так как могла теперь сама выбирать себе любовников. И выбирала я очень тщательно. К тому же у меня появились деньги, поэтому я никогда не жила с мужчиной, который мне не нравился.

Диана молча кивнула. Казалось, Мадлен рассуждала разумно, и ее скандальное прошлое совсем не шокировало.

– Если бы у тебя был выбор, ты бы сделала все это снова? – пробормотала Диана.

Темные брови Мэдди сошлись на переносице.

– Знаешь, я никогда об этом не задумывалась. Тогда я де-

лала то, что нужно было делать, чтобы выжить. После моего падения у меня почти не оставалось выбора. – Она немного подумала, потом добавила: – Став падшей женщиной, я сумела выбраться из нищеты, из той жизни, которая мне никогда не подходила. Так что бегство из Йоркшира – это был выход. Великие куртизанки должны быть не просто красивыми, но и умными, с характером. У меня появилась возможность развиваться, чему-то учиться... Я встречала прекрасных мужчин, которых иначе никогда бы не узнала, жила в комфорте, можно даже сказать – в роскоши.

Мадлен умолкла, а в ушах Дианы все еще звучало: «Выход, выход, бегство из Йоркшира...» Для нее эти слова были полны глубокого смысла, но такого, который очень трудно принять. Да, пока еще она не готова. Но скоро, скоро...

А Мадлен продолжала свой рассказ:

– Первые месяцы в борделе были... гм, тяжелыми. Но я их пережила, сохранив здоровье и рассудок. А потом, когда стала а *femme entretenue*, содержанкой, я жила очень хорошо. Это походило на... ну, как иметь несколько мужей одного за другим. Шансы подхватить какую-нибудь дурную болезнь невелики. И при этом у меня было гораздо больше свободы, чем у большинства респектабельных женщин. А если мужчина почему-то становился неприятным, то я могла ему отказать. Я бы мало что изменила в своей жизни, если бы могла прожить ее снова. И я не стыжусь того, что делала. Огорчает лишь, что многие меня презирают.

Мэгги вдруг рассмеялась, и сейчас в ней было столько шарма, что стало понятно, почему она так преуспела в своей профессии.

– У большинства модных падших были прозвища вроде Венера Медиканти, или Белая Лань, или Бесстыдная Беллона. Из-за моих темных волос и глаз я была известна как Черная Бархатная Роза. Глупо, но довольно мило. И вот что странно... Многие мужчины обращаются со своими женами как с умственно отсталыми, с любовницами говорят о серьезных вещах – например о политике. Мой бордель обычно бывал куда более оживленным, чем салоны в респектабельных домах, потому что у меня мужчины могли говорить о том, что им действительно интересно. К тому же... Предпочитая быть содержанкой одного мужчины, я продержалась дольше большинства киприанок. Конечно, когда я оказывалась в промежутке между любовниками, мне приходилось некоторое время... выбирать, пока я не найду того, кто меня устраивал. В результате я наслаждалась всеми лучшими сторонами ухаживания и брака, не имея проблем, которые бывают у жен.

Тут Диана задала вопрос, волновавший ее больше всех остальных.

– А ты действительно получала удовольствие от... физической стороны жизни?

Волнение, прозвучавшее в голосе подруги, подтвердило догадку Мадлен. Было ясно, что знакомство Дианы с этой

стороной жизни произошло в виде какой-то грубой неумелой возни, из-за которой многие женщины испытывают отвращение к самому акту любви. Тщательно подбирая слова, она сказала:

– Заниматься любовью может быть довольно приятно. Лучше всего, если партнер тебе очень нравится, но удовольствие можно получить с любым мужчиной, если он хорошо с тобой обращается. Конечно, многие женщины никогда этого не узнают. Нас с ранней юности учат защищаться от мужских авансов, остерегаться прикосновений, поэтому нам трудно расслабиться и получать удовольствие от любви. – Мадлен внимательно наблюдала за Дианой, желая убедиться, что ее слова не оскорбляли подругу. – Вполне допустимо знать и ценить свое тело как источник возможного удовольствия. Одна более опытная женщина у Клотильды посоветовала мне исследовать свое тело, прикасаясь к нему, пробуя разные предметы – например, шелк, бархат, грубый лен, холодный фарфор. Это надо для того, чтобы понять, как и на что реагирует тело. Последовав ее совету, я обнаружила, что являюсь чрезвычайно чувственной женщиной. Кроме того, я изучала себя в зеркале, пытаюсь понять, что делает женское тело желанным для мужчины. И со временем узнала, какого рода власть над мужчиной может иметь женщина.

Диана уже перестала удивляться странности этого разговора, но все еще слишком робела и избегала встречаться с Мадлен взглядом. Она чувствовала, что слова старшей по-

други – настоящий подарок для нее, так как не имела совершенно никакого опыта. В самом деле, в том, что говорила Мадлен, была некая интуитивная логика. Диане нравилось прикасаться к сыну, выражая таким образом свои чувства, и нравилось определять на ощупь качество ткани, которую она купила, или теста, которое замешивала. И если все эти прикосновения были ей приятны, то, наверное, и самое интимное тоже может быть приятным, не так ли?

А Мадлен между тем продолжала:

– Интимные отношения для женщин могут быть источником боли, даже причиной смерти, однако это еще и источник новой жизни. В своем лучшем проявлении эти отношения выражают самую глубокую любовь, которая только может быть между мужчиной и женщиной. – Выражение ее темных глаз стало задумчивым. – Неудивительно, что эти знания привели Адама и Еву к изгнанию из райского сада – во всяком случае, именно так говорил один священник, который меня посещал. – Мэдди лукаво улыбнулась. – Он был не из тех клириков, которые проповедуют против мирских удовольствий. – Внезапно улыбка ее померкла, и она, вздохнув, проговорила: – Но постель может быть и оружием, когда один из партнеров доминирует над другим. Для женщины это один из немногих способов получить власть над мужчиной, однако – довольно рискованный. Некоторые люди слишком холодны, и такими управлять невозможно. А других можно поставить на колени, и вся их честь и гордость

будет раздавлена теми, кого они любят... – Мэдди обезоруживающе улыбнулась. – Конечно, так бывает довольно редко. Чаще всего плотская любовь – это способ давать и получать удовольствие и поддержку. И все же, – она посмотрела на Диану и прищурилась, – такая красивая женщина, как ты, может стать очень могущественной, если захочет.

Диана потеряла лоб запястьем, отчего на нем осталась грязная полоса, и тихо спросила:

– Ты действительно думаешь, что я красивая?

Мадлен кивнула.

– Да, разумеется. Возможно, ты самая красивая из всех женщин, которых я встречала, а я-то видела почти всех знаменитых красавиц Англии. Если бы ты захотела, то могла бы стать герцогиней или величайшей из куртизанок. А ты разве не считаешь себя красивой?

Диана отрицательно покачала головой.

– Нисколько. Но я видела, как на меня смотрят мужчины, и иногда задавалась вопросом: что же они во мне видят?.. Мне кажется, на других женщин они так не смотрят. Часто мужчины... пытаются ко мне прикоснуться, будто случайно. – Она наклонилась и с силой вонзила совок в землю. – Не поэтому ли многие женщины смотрят на меня так свирепо, словно я их враг?

Мадлен вздохнула.

– Да, во многих случаях – именно поэтому. Видишь ли, красота – это обоюдоострый меч. Красота может сделать те-

бя жертвой, а может помочь получить то, что ты хочешь от жизни, будь то любовь, или богатство, или власть.

Диана подняла взгляд на подругу. Она знала: то, что Мэджи ей сегодня рассказала, могло изменить ее жизнь.

– Ты мне это рассказываешь, чтобы я могла увидеть себя такой, какой видят другие? – спросила она, помолчав.

– Да, дорогая. – Мадлен посмотрела на нее с сочувствием. – Ты спасла мне жизнь, и я бы хотела отблагодарить тебя чем-то более значительным, чем драгоценности, хотя их ты можешь взять. Я знаю, что ты нашла здесь, на краю света, некое удовлетворение, но иногда тебя снедает нетерпение – как и меня когда-то. И если ты когда-нибудь надумаешь отсюда уехать... Ты должна сознавать силу своей красоты, должна знать, как ее использовать и как себя защитить. Иначе есть опасность, что тебя используют и ломают. – Она скорчила гримасу. – Мне тоже выпало счастье и одновременно несчастье получить от природы слишком много красоты, и это определило ход моей жизни. И знаешь... В том, что происходит между мужчиной и женщиной, нет ничего постыдного. Так что не стесняйся задавать мне вопросы.

Диана кивнула.

– Хорошо, спасибо. Позже, когда я осмыслю часть из того, что ты мне рассказала, у меня обязательно появятся вопросы. Конечно, здесь я довольна своей жизнью, но я не хочу прожить в Йоркшире до конца дней – и ради себя самой, и ради моего сына мне придется уехать отсюда. Когда он

был младенцем, все было неплохо, но Джоффри растет и ему нужно знакомиться с другими детьми, нужно учиться, потому что только тогда он сможет достойно устроиться в этом мире. – Диана грустно улыбнулась. – И ему даже необходимо столкнуться с предвзятым к нему отношением, хотя мне и больно об этом думать. – Она беспомощно развела руками. – Пока ты не появилась, я не знала даже, как представить другую жизнь. Иногда... – Она на мгновение смутилась. – Иногда мне кажется, что сам Бог послал тебя ко мне, чтобы ты стала моей подругой и наставницей.

Мадлен в ответ улыбнулась.

– Да, возможно, он так и сделал. И мне бы очень хотелось, чтобы мои советы пошли тебе на пользу.

– О, я так тебе благодарна... – хрипло сказала Диана; ее синие глаза светились точно сапфиры, и, по мнению Мадлен, она сейчас напоминала не Мадонну, а какую-то языческую богиню, возможно – волшебницу, Цирцею.

Той ночью капризная весенняя погода изменилась, и порывистый ветер, холодный и влажный, гнал по ночному небу бледные облака, то скрывая, то открывая бесстрастный лик полной луны. Когда все в доме спали, Диана надела плащ и тихо вышла из дома. Мадлен не ошиблась, почувствовав в Диане неугомонность. Уже не в первый раз она в одиночестве бродила ночью по вересковым пустошам, пытаясь унять какое-то странное беспокойство, не дававшее ей уснуть. В последние семь лет это беспокойство стало такой же неотъ-

емлемой частью ее жизни, как и здешний ветер. Днем слова Мадлен задели какую-то тайную струну в душе Дианы, и теперь, когда она быстро шагала по пустоши, слова эти снова и снова звучали у нее в ушах. «Став падшей женщиной, я сумела выбраться из нищеты, из той жизни, которая мне никогда не подходила». Однако Диана прекрасно понимала, что у Мадлен-то не было выбора. Последовать тем же путем добровольно – это было невысказано, и все же Диана не могла думать ни о чем другом. Вырваться из Йоркшира – вот чего ей хотелось больше всего. Но ведь, кроме этих двух вариантов: жить на краю света или стать дорогостоящей шлюхой, существовали и другие возможности, разве не так? Диана иногда подумывала о том, чтобы переехать в какой-нибудь провинциальный город и представиться вдовой со скромными средствами и безупречной репутацией, однако эта перспектива ее не вдохновляла – не говоря уж о том, что ей была ненавистна мысль о жизни во лжи.

Она дошла до вершины ближайшего холма, внизу же, к югу от нее, раскинулся Йоркшир. В долинах и лощинах лежал посеребренный луной туман, а над ним, как сказочные плавающие острова, поднимались тонкие холмы.

Здесь, среди этих холмов, Диана нашла покой, здесь залечивала душевные раны, которые могли бы ее убить, не будь у нее ребенка, которого она любила и о котором надо было заботиться. Любовь, связавшая ее с Джоффри и Эдит, отвела Диану от края пропасти, боли и отчаяния – столь ужасных,

что они граничили с безумием. А теперь появилась Мадлен, которая сделала их жизни богаче. Но ночами вроде сегодняшней, когда Диана не находила себе покоя, ей хотелось большего.

Мадлен сказала, что ее красота сделала бы ее герцогиней или величайшей из куртизанок, если бы она того пожелала, но, увы, с таким, как у нее прошлым, герцогиней ей никогда не стать, и даже самый скромный из респектабельных браков был для нее невозможен. Она никогда не сможет стать респектабельной, так почему бы не стать куртизанкой, женщиной полусвета? Диане хотелось, чтобы в ее жизни появился мужчина, но поскольку мужа у нее быть не могло... значит, нужно обзавестись любовником. Мысль казалась весьма соблазнительной. Любовнику не обязательно знать ее прошлое – вероятно, ему оно будет даже и неинтересно. Поскольку же она могла рассчитывать только на внебрачную любовь, почему бы не поставить себе целью самую лучшую, самую выгодную связь? Респектабельной женщине сама эта идея показалась бы отвратительной. Но что ей принесла ее скромная респектабельность, кроме душевной боли и одиночества?

«Красота – обоюдоострый меч. Красота может сделать тебя жертвой, а может помочь получить то, что ты хочешь от жизни, будь то любовь, или богатство, или власть. К сожалению, жертвой чаще всего становится женщина». Кажется, так сказала Мадлен. Она была жертвой мужчин, и именно они привели ее на край пропасти. Но при этом Мадлен – хо-

тя бы сначала – получила удовольствие от страсти и сладких слов, пусть даже они оказались лживыми. А у нее не было и этого – ее просто погубили, вот и все. Но если действовать с позиции силы... Хм... в этом было нечто привлекательное. Власть дала бы ей свободу. Да, все дело в свободе. Диана не желала власти, чтобы наказывать мужчин, со временем ее ярость ослабла. Любовь к сыну была так велика, что не оставила в сердце места для злобы или горечи. Будь ее ребенок девочкой, возможно, она бы навсегда отвернулась от всех мужчин, но родился мальчик и в нем не было порока. Диане доводилось видеть браки, основанные на заботе. Где-то существовали мужчины, которые не обращались с женщинами жестоко, которые любили их и заботились о них. Впрочем, нет, ей не нужны мужчины, ей нужен только один мужчина, тот, кто любил бы и защищал ее, несмотря на ее прошлое, тот, кто познакомил бы ее с земными, плотскими удовольствиями, которые описывала Мадлен. При этой мысли Диана криво улыбнулась, сознавая, как глупы ее романтические мечты. Но эти мечты – хороший знак; значит, она уже настолько исцелилась, что осмеливалась снова мечтать.

Диана шагала все быстрее, и плащ развевался за ее спиной, тяжелая ткань хлопала на ветру. Казалось, она могла бы сейчас раскинуть руки – и воспарить в небо, полететь на юг, в город, являвшийся сердцем Британии.

Тут в очередной раз облака набежали на луну, стало темнее, и Диана повернулась и пошла обратно: путь до коттеджа

был неблизкий. Она выросла далеко от этих мест, но знала дорогу через вересковые пустоши не хуже любой уроженки Йоркшира и могла идти безо всяких тропинок даже в темноте. Что же касается ее мечты... Если она выберет путь куртизанки, самая большая опасность будет заключаться в том, что ее выбор может повредить Джоффри. О том, чтобы оставить его и уехать, не могло быть и речи. В Лондоне ей придется вести двойную жизнь, но столица расширит не только ее горизонты, но и горизонты Джоффри.

Плывшие по небу облака снова открыли луну. Диана приблизилась к карстовому озеру Клевеленд, поблескивавшему в лунном свете. И здесь, когда стоишь у самой кромки воды, кажется, что перед тобой лежит гигантское круглое зеркало. Диана опустилась на колени и стала смотреть на посеребренную лунным светом воду. Хотя она получила лучшее образование, чем большинство женщин, ею чаще двигали эмоции и интуиция, чем логика. И сейчас логика подсказывала, что она, оставаясь здесь, находилась в безопасности, а интуиция побуждала уехать, смело окунуться в опасный и таинственный мир, который ей открыла Мадлен, – мир, в котором красивая женщина могла иметь власть.

Диана долго смотрела в воду, и на нее, казалось, снисходила спокойная уверенность, все ее сомнения улетучивались. Мадлен привел к ним в дом вовсе не случай – так распорядилась ее, Дианы, судьба, – а Мэдди являлась связующим звеном с будущим. Где-то там, далеко от Йоркшира, находился

мужчина, предназначенный ей судьбой, мужчина, которого она могла бы найти, если бы осмелилась...

Глядя на полную луну словно зачарованная, Диана прошептала:

– Великая богиня, покажешь ли ты мне лицо моего любовника?

Диана рассмеялась над собственной глупостью. Она, воспитанная в набожной – даже слишком набожной – семье, верит в какие-то языческие бредни? И тут она остро почувствовала – словно кто-то произнес это вслух, – что лучше не знать, что готовила ей судьба. Ведь если она узнает очертания будущего, то может от него отвернуться. Нет, следовало идти вслепую и верить, что интуиция, направлявшая ее жизнь, будут ее проводниками.

Диана выпрямилась и медленно пошла по собственным следам обратно к коттеджу. Теперь она точно знала: годы жизни в глуши и безопасности закончены. Впереди – ее предназначение, и это предназначение – любовь.

Глава 3

Диана наносила на лицо косметику, и ее руки немного дрожали. Мадлен провела много часов, обучая подругу быть ненавязчиво соблазнительной, и Диана оказалась прекрасной ученицей. Но в этот раз она накладывала косметику не для урока, а всерьез. Сегодня вечером они с Мадлен собирались на дружескую вечеринку в доме Гарриет Уилсон, королевы лондонских куртизанок, и Диана наконец решилась предложить себя в этом качестве. Отложив кроличью лапку, с помощью которой она добавляла своим бледным от волнения щекам немного румянца, Диана внимательно посмотрела в зеркало и увидела образ утонченной и весьма искушенной женщины с лицом в форме сердечка, нежные черты которого казались слишком безупречными, чтобы быть реальными. И это лицо лишь отдаленно напоминало лицо той молодой женщины, которая жила среди вересковых пустошей, пекла хлеб и играла с сыном в грязи на берегу ручья. С тех пор как Диана сообщила друзьям, что собирается переехать в Лондон и стать куртизанкой, прошло полгода. Это ее заявление сначала вызвало бурю протестов – и неудивительно. Удивительным же было то, что Эдит, этот образец провинциального консерватизма, в конце концов поддержала идею Дианы, заявив, что ее план во многом хорош. А настоящей противницей плана Дианы оказалась Мадлен, сама когда-то

бывшая куртизанка, и нисколько об этом не жалевавшая. Но одно дело продавать себя, когда нет выбора, и совсем другое – делать это добровольно. Мэдди привела все аргументы, какие только нашла, и напредила, что они не нуждались в деньгах. Спросила и о том, как это повлияет на Джоффри. Диана признала ее аргументы, когда речь зашла о сыне – при этом ее голос немного дрогнул, – но отказалась изменить свое решение. В конце концов Мэдди подняла руки, признавая поражение, и пообещала помогать Диане всем, чем сможет. Без ее помощи, без подробных рассказов о мужчинах, об обществе, о том, как быть обаятельной, Диана никогда бы так далеко не продвинулась. Добьется ли она успеха на новом для нее поприще – покажет время, но этот образ в зеркале казался очень даже неплохим началом.

Шелковое платье с глубоким вырезом было точно такого же лазурного цвета, как ее глаза. Блестящие каштановые волосы Дианы были собраны на макушке густой массой взбитых кудрей и ниспадали каскадом на спину. Такая прическа словно намекала, что эти густые пряди могут рассыпаться по ее обнаженным плечам, если мужчина к ним прикоснется.

Диана поправляла прическу, когда негромкий стук в дверь возвестил о приходе Мадлен. После того как они приехали в Лондон, Мадлен покрасила седину в своих темных волосах, и теперь при свете свечей ей можно было дать лет тридцать, не больше. Сегодня же, в платье цвета красного бургундского, Мэдди была великолепна. И, конечно, вполне

готова к роли наставницы и защитницы. Согласившись поддержать устремления своей молодой подруги, она сразу же поделила со своей новой семьей все, что имела, – и доход, и роскошный дом в Мейфэре, где все они поселились. Кроме того, она нашла приличную школу, где Джоффри преуспевал, а также представила Диану своей давней подруге Гарриет Уилсон, и результатом этого знакомства стало приглашение на сегодняшний вечер.

Диана с улыбкой оглянулась на подруг. Встав со стула, она медленно повернулась кругом, чтобы Мэдди оглядела ее. Диана держалась прямо, чуть приподняв подбородок под таким углом, чтобы осанка передавала гордость, но гордость без высокомерия. У нее прекрасно это получалось, как и все остальное из уроков старшей подруги.

Мадлен осмотрела ее и одобрительно кивнула.

– Превосходно. Ты достигла как раз нужного баланса между леди и распутницей.

Диана улыбнулась и со вздохом пробормотала:

– Несмотря на все твои подробнейшие уроки, я все-таки чувствую себя как овечка, притворяющаяся львицей.

– Мы можем никуда не идти сегодня вечером, если ты не хочешь, – сказала Мадлен.

– Нет-нет, Мэдди, я хочу! – воскликнула Диана. – Я, конечно, нервничаю, но мне не терпится... Сегодня я войду в мир, который был бы для меня закрыт, если бы не ты. Возможно, он мне не понравится и завтра утром я буду готова

вернуться в Йоркшир. Тогда ты сможешь сказать: «Я же тебе говорила». И я смиренно соглашусь и кивну, сидя за вышиванием у камина.

Мадлен рассмеялась, оглядывая свою очаровательную протеже. Диане исполнилось двадцать четыре года, и она была старше большинства начинающих куртизанок, однако сохранила невинную свежесть семнадцатилетней девушки.

Поначалу толпы людей на улицах и лондонский шум немного пугали Диану, но за несколько месяцев жизни в столице она не только приобрела роскошный гардероб, но и стала чувствовать себя в этом огромном городе почти как дома. Мадлен с восхищением покачивала головой. Если она хоть сколько-нибудь разбиралась в мужчинах, то сегодня вечером они слетятся к этой девушке как пчелы к горшку с медом. Возможно, Диана решит, что это ей не нравится – решит еще до того, как станет слишком поздно, – и тогда она отступит.

– Ты справишься, дорогая, – сказала Мадлен. – Очень хорошо справишься.

Дом Гарриет Уилсон был полон в высшей степени респектабельных мужчин и совсем не респектабельных женщин. Все присутствующие мужчины были либо богатыми, либо знатными, либо стильными, а часто обладали всеми тремя этими достоинствами, а женщины являлись сливками полусвета.

Когда Диана и Мадлен вошли, Гарриет небрежно махнула им рукой и снова повернулась к своей свите. В отличие от

большинства куртизанок Дружок была настолько уверена в своих чарах, что даже ошеломляющая красота Дианы ее не раздражала. Они помедлили в дверях салона – внезапно Диану охватила паника. Она упорно шла к этой цели несколько месяцев, подробно расспрашивала Мадлен, пыталась осмыслить и запомнить все ее ответы, иногда шокирующие. Она знакомилась с собственным телом, делала странные упражнения для укрепления внутренних мышц, училась метать нож в целях самозащиты. Она была очень старательной и способной ученицей, но вот сейчас, когда ее мечта стала реальностью... Диана вдруг отчетливо осознала, что до этого момента могла в любое время повернуть назад и сохранить респектабельность. Но как только она шагнет в эту комнату, падшая женщина среди других падших женщин, жребий будет брошен, она станет шлюхой, даже если никогда не возьмет ни с одного мужчины ни пенни. На мгновение ей пришла в голову мысль о бегстве – Мадлен увела бы ее, – и она еще могла бы отбросить этот безумный замысел.

Диана задержалась в дверях, потому что ей стало страшно, но эта задержка выглядела как совершенно необходимая пауза для более эффектного появления. Мужчины поворачивались посмотреть на нее, и на их лицах отражалась быстро сменявшаяся гамма выражений – от восхищения до неприкрытой похоти. На нее глазели не менее двадцати мужчин и от этого Диана внутренне содрогалась.

Тут Мадлен коснулась ее локтя в знак поддержки, и стра-

хи Дианы отступили. Она с облегчением выдохнула, и ее сердце забилось ровно и уверенно. Может быть, войдя в эту комнату, она и получит клеймо проститутки, но ни один мужчина не сможет взять ее без ее согласия. С высоко поднятой головой Диана вошла в салон, а Мадлен следовала за ней.

Не прошло и нескольких секунд, как к ней с улыбками начали подходить мужчины, спешившие представиться раньше других.

– Я Клинтон... Риджли, мэ. Всегда к вашим услугам... Майор Коннот, дорогая... Позвольте принести вам бокал шампанского?.. – звучали мужские голоса.

Диана смотрела на их радостные лица, и вечер вдруг стал казаться простым и приятным, и она уже не понимала, чего, собственно, боялась. Весело рассмеявшись, Диана подала руку ближайшему из мужчин – это был невысокий рыжеволосый молодой человек с кустистыми бакенбардами.

– Добрый вечер, джентльмены, – проговорила она. – Меня зовут миссис Диана Линдсей, и я с удовольствием выпью бокал шампанского.

Рыжеволосый с благоговением поцеловал ее руку, а какой-то лысеющий джентльмен поспешил за шампанским. Третий мужчина, темноволосый, похожий на поэта и очень молодой, просто смотрел на нее во все глаза, и его рот чуть приоткрылся. Они и в самом деле считали ее прекрасной, и Диана впервые в жизни почувствовала силу собственной

красоты.

Следующий час – или чуть более – прошел в круговороте лиц. Диана и Мэдди сидели у стены в окружении мужчин, соперничавших за их внимание. Диане почти ничего не нужно было говорить, а каждое слово, которое она все-таки произносила, встречали так, словно это был образчик блистательного остроумия. Все было восхитительно, и Диана чувствовала себя искрящейся радостью – как шампанское с пузырьками, – однако прекрасно помнила, куда пришла. В противоположном конце комнаты темноволосая женщина и мужчина в военной форме обменивались ласками настолько интимными, что Диана с трудом сдерживалась, чтобы не глядеть на них.

Проследив за ее взглядом, Мадлен шепотом пояснила, что брюнетка – одна из сестер Гарриет Уилсон. Сама же Дружок была самой успешной представительницей этого семейного клана. Вскоре парочка ускользнула из комнаты. Вернулись они через полчаса, но по отдельности. И казалось, что женщина была чрезвычайно довольна собой. Диана заставила себя не думать о том, что происходило за пределами этой комнаты. Если она и уйдет с каким-нибудь мужчиной, то это будет результатом чего-то большего, чем пятнадцатиминутное знакомство.

– Моя дорогая миссис Линдсей... – Голос над ее ухом прозвучал хрипло и немного неуверенно.

Диана повернулась и посмотрела на лысеющего мужчину,

не отходившего от нее с той самой минуты, как она пришла. Кажется это был... Риджли. Да-да, именно он. Она улыбнулась ему так, как учила Мадлен, и проговорила:

– Да, мистер Риджли, слушаю вас.

Он в ответ улыбнулся с глупым восторгом. Невероятно, что одно только ее присутствие вызывало такую реакцию. После долгой паузы он сказал:

– Вообще-то я лорд Риджли. – Он откашлялся и с надеждой в голосе добавил: – Дорогая девочка, не ищете ли вы покровителя?

Диана в задумчивости посмотрела на лорда Риджли. Мужчина средних лет, плотный, не отталкивающий, но не Адонис... И у него хорошие глаза. Когда придет время завести любовника, это будет не самый плохой вариант, но в данный момент Диана была далека от того, чтобы принять такое решение. Положив руку ему на локоть, она тихо сказала:

– Возможно, скоро буду.

Риджли натужно сглотнул.

– Когда будете искать... умоляю, вспомните обо мне.

У бедняги был необычайно жалкий вид, и Диана, чтобы приободрить его, с улыбкой спросила:

– Не будете ли вы так добры принести мне еще бокал шампанского?

Желая ей угодить, Риджли поспешил за шампанским. И в этот же миг в дальнем конце салона заиграла цыганская скрипка и раздался радостный гул голосов. Полногрудая

красавица с черными волосами запрыгнула на стол и принялась танцевать – широкая юбка развевалась вокруг ее ног, а груди грозили в любой момент вывалиться из платья. Какой-то молодой человек желал присоединиться к ней на столе, но его удерживали за руки друзья, которым было гораздо интереснее смотреть на женщину, чем на ее предполагаемого партнера. Пока всеобщее внимание было приковано к танцу, Мадлен наклонилась к Диане и прошептала:

– Дорогая, твои дела идут великолепно. Ты могла бы выбрать любого из этих мужчин. Что, лорд Риджли предложил тебе карт-бланш?

Диана кивнула.

– Это далеко не самый плохой вариант, – продолжила Мадлен. – Он приятный мужчина. Очень щедрый.

Глаза Дианы расширились, и она спросила:

– Он был одним из твоих покровителей, когда ты жила в Лондоне?

– Скажем так: мы с ним неплохо знакомы. – Усмехнувшись, Мэдди раскрыла веер и стала им обмахиваться. – Кажется, тебе очень нравится почтительное внимание.

– А что, это плохо? – спросила Диана таким тоном, будто оправдывалась.

– Нет, но помни, что это только часть игры. Все эти мужчины не просто тобой восхищаются, большинство из них хотят уложить тебя в постель, и твое присутствие здесь дает им все основания предполагать, что ты для этого вполне доступ-

на, – предупредила Мадлен. – Будь осторожна, не позволяй себе оставаться наедине ни с одним из них, если только ты не уверена, что хочешь именно этого. Большинство из них не попытаются взять тебя насильно, но определенно сделают все, что в их силах, чтобы тебя соблазнить.

Диана улыбнулась.

– Но если я буду слишком уж чопорной, то из меня не получится хорошая куртизанка, не так ли?

Мадлен едва заметно нахмурилась. Она все еще сомневалась в разумности выбора подруги, но понимала, что не стоило обсуждать сейчас этот вопрос. Встав со стула, она сказала:

– Сама справишься, если я ненадолго оставлю тебя? Мне нужно поговорить со старым другом, который только что пришел.

– Мэдди, со мной все будет в порядке. – Диана улыбнулась. – Ведь я уже большая девочка. Ты очень хорошо меня подготовила, и я теперь знаю, как обращаться со всеми этими загадочными созданиями мужского пола.

Когда Мадлен ушла, Диана несколько мгновений оглядывала комнату. Мужчин было человек тридцать, а женщин – вдвое меньше. Причем вокруг нее постоянно крутилась примерно дюжина мужчин, несмотря на соблазнительные прелести цыганской танцовщицы. Лорд Риджли принес ей шампанское и прошептал пышный комплимент, после чего, чрезвычайно довольный, опустился на соседний стул. Те-

перь вниманием Дианы завладел юный мистер Клинтон, молодой человек байронического облика. Повернувшись спиной к танцовщице, он молча глазел на Диану. Наконец, заикаясь, пробормотал:

– Вы... вы богиня.

Она со смехом ответила:

– Совершенно верно, ведь Диана и была богиней охоты и луны.

– Вам дали правильное имя, потому что вы захватили мое сердце, – пылко проговорил молодой человек. – Я буду называть вас «Прекрасная Луна».

Молодость Клинтона почему-то напомнила Диане о Джоффри, и ей скорее хотелось угостить его имбирным пряником, нежели взять в любовники. Думая, как лучше ответить, чтобы благосклонно принять его поклонение, но при этом не поощрять, Диана вдруг почувствовала какое-то странное беспокойство. Она подняла взгляд – и тут же увидела в дверном проеме темноволосого мужчину, пристально смотревшего на нее. Его серые глаза были холодными... и острыми как лезвие бритвы. Лет тридцати, широкоплечий, выше среднего роста. Он стоял совершенно неподвижно, и немигающая напряженность его взгляда казалась поразительно неуместной в толпе этих легкомысленных и улыбающихся людей. Его настойчивый и пристальный взгляд смутил Диану, у нее перехватило дыхание. Она находилась в центре внимания с той самой минуты, как прибыла сюда, но

до этого ни один из мужчины не смотрел на нее столь пристально и сосредоточенно. И тут – это было словно вспышка молнии – Диана вдруг почувствовала какую-то странную и необъяснимую связь с этим мужчиной. Когда же она рассмотрела его во всех подробностях, время как будто повернуло вспять. И теперь Диана не замечала ничего вокруг, кроме этого мрачного мужчины; сердце ее бешено колотилось. Это красивое и суровое лицо было ей так же хорошо знакомо, как ее собственные кошмарные сны. И теперь-то она поняла, почему интуиция подсказывала ей, что лучше не знать свою судьбу. И еще одно озарение ее посетило: она вдруг поняла, что затем и приехала в Лондон, чтобы найти его, вот этого мужчину.

Седьмого виконта Сент-Обина привезли в салон Гарриет Уилсон почти насильно. За два квартала до ее дома он отрывисто проговорил:

– Я передумал. Я сейчас высажу тебя, вернусь домой и пришлю экипаж обратно – дожидаться тебя.

Френсис Бранделин, его кузен, с усмешкой протянул:

– Ну уж, нет, Джервейз, не вернешься... Понадобились недели, чтобы вытащить тебя сюда, и теперь ты от меня так легко не отделаешься. Ты слишком много времени проводишь в этом своем министерстве иностранных дел, чем бы ты там ни занимался. Правительство не падет, если ты приятно проведешь вечер. А у Гарриет один из лучших винных

погребов в Лондоне.

– В этом я не сомневаюсь. Для дамы полусвета ее уровня это непереносимое условие, – сухо заметил Джервейз. – Но если мне потребуется выпить, то куда проще это сделать дома.

Френсис рассмеялся; ответ кузена нисколько его не обескуражил.

– Может, вина ты выпьешь и дома, но если тебе нужна замена этой твоей танцовщицы из оперы, то ты скорее всего найдешь ее у Гарриет Уилсон.

Это замечание кузена Джервейз не удостоил ответом, хотя замена действительно требовалась. Впрочем, Колетт, оперная танцовщица, была небольшой потерей. Она ясно дала понять, что предпочитает более веселую жизнь, а потом была весьма обескуражена тем, что лорд Сент-Обин тотчас признал, что бессовестно пренебрегал ею, и сказал, что ей будет лучше без него.

Но ведь и все остальные куртизанки, которых Джервейз находил в салоне Гарриет Уилсон, в избытке обладали теми же недостатками, что и Колетт, – непостоянством и жадностью. Самые успешные из них были даже более капризными и требовательными, чем дамы из высшего общества, а он, Джервейз, искал вовсе не такую любовницу. Джервейз точно знал, какого типа женщина ему нужна. Она должна быть достаточно привлекательной, нетребовательной и некапризной. Возможно – с детьми, которые будут отвлекать ее внимание, так что она не станет постоянно жаждать общества

своего покровителя. Джервейз ничего не имел против детей, главное – чтобы их не видеть. Что же касается салона Гарриет Уилсон... наверное, не будет ничего страшного, если он проведет у нее один вечер, потягивая вино. К тому же он таким образом успокоит кузена и наследника Френсиса. Молодой человек был необычайно общителен, неглуп и с легким характером. Светло-каштановые волосы и грациозную фигуру он унаследовал от предков по материнской линии, а не от Бранделинов, которые были темноволосыми и выглядели весьма внушительно. В детстве Френсис восхищался своим старшим кузеном, и все то время, что Джервейз служил в Индии, они переписывались. Когда Джервейз после смерти отца вернулся в Англию, он чувствовал себя очень одиноким, и искреннее радушие Френсиса было для него как солнечный свет в дождливый день. В результате они с кузеном подружились, и это было нечто большее, чем просто кровное родство. Взглянув на кузена, Джервейз поинтересовался:

– Ты не думал о браке?

Даже в мерцающем свете фонаря было заметно искреннее изумление Френсиса. Немного помолчав, он спросил:

– А почему ты об этом спрашиваешь?

– Ну, ты же мой наследник... – резонно ответил виконт. – И когда-нибудь займешь мое место. Жизнь бывает непредсказуемой, и мне бы хотелось знать, что наш род продолжится и в следующем поколении.

Френсис посмотрел на него, прищурившись, потом с на-

смешливой улыбкой заметил:

– Но ведь ответственность за продолжение рода лежит на тебе, разве не так?

Они подъехали к дому Гарриет, и экипаж остановился. Джервейз с облегчением вздохнул – это позволило прекратить разговор на неприятную тему. «Похоже, кузен не склонен к женитьбе», – подумал Джервейз. Что ж, возможно, это был их семейный изъян. Когда-нибудь ему, и нынешнему виконту, придется объяснить, почему у него самого никогда не будет законных наследников, но он предпочитал избегать этой темы как можно дольше.

Дворецкий поклонился им и без вопросов впустил, поскольку Френсис был частым посетителем этого дома. Они вошли, и Джервейз стал подниматься вслед за кузеном на второй этаж, в гостиную. Сверху доносились звуки музыки и смех. Перед тем как войти в комнату, Френсис спросил:

– Мне представить тебя? Или ты предпочитаешь обходиться без церемоний?

– Не утруждай себя, в этом нет нужды, – ответил Джервейз. – Наверняка с большинством джентльменов я уже знаком. Да и со многими женщинами...

Как только они вошли в салон, Френсис сразу же направился к хозяйке, чьи темные кудри едва виднелись среди окружающих ее поклонников. А Джервейз помедлил в дверях. С привычной осторожностью солдата, который отправился в поход на вражескую территорию, он окинул взгля-

дом комнату. С Гарриет Уилсон он уже встречался и считал, что у нее манеры грубого школьника, хотя в ее бившей ключом жизненной силе и впрямь был некий шарм. В дальнем конце комнаты смуглая темноволосая цыганка, притопывая стройными ногами, отплясывала на столе с каким-то молодым офицером из шотландского полка. Ему бы не следовало танцевать на столе в килте. Впрочем, его дело, пусть кривляется.

Небрежно скользя взглядом по гостям, Джервейз вдруг заметил большую группу мужчин прямо напротив двери – и замер, чувствуя странное стеснение в груди. Девушка, находившаяся в центре этой группы, сидела вполоборота к нему, и в ее изящном профиле была та самая чистота, что всегда воплощала мужскую мечту о невинности. Ева до встречи со змеем... Девственница, которая манит к себе грозного единорога... Целомудренная девица, идущая к брачной постели... Она походила на все эти образы – и в то же время не являлась ни одним из них. Глядя на нее с восхищением, Джервейз мысленно твердил: «Как жаль, что она шлюха, как жаль...»

И действительно, было ужасно жаль, что столь совершенное воплощение невинности – на деле ложь и иллюзия. Джервейз вдруг ощутил прилив гнева. Какое право имела эта девушка с пышной копной вьющихся каштановых волос намекать на то, что мечты о невинности могли воплотиться в реальность? Ведь она, конечно же, шлюха, иначе и быть

не могло. В ее роскошном теле, одновременно и скрытом, и волнующе открытом облегающим платьем из голубого шелка, не было ничего невинного, так же как и в позе, ясно дававшей понять, что она вполне доступна, если предложить подходящую цену.

Джервейз отбросил гнев, напомнив себе, что пришел сюда не в погоне за мечтой и что ищет вовсе не девственницу и не жену, а любовницу. И, следовательно, он мог взять эту женщину в этом месте без каких бы то ни было сложностей или разочарований, которые влекут за собой мечты. Ему вдруг захотелось схватить эту девушку и унести, как римляне похищали сабинянок. Немногим более цивилизованным было желание пересечь комнату, подойти к девушке и напрямик спросить: «Сколько ты стоишь?»

Но лучшие куртизанки известны своей разборчивостью, и они облили бы презрением любого мужчину, предположившего, что их можно купить за одни только деньги. Красивая женщина являлась призом, который мужчина мог с гордостью продемонстрировать своим приятелям, а дамы полусвета хвастали друг перед другом своими завоеваниями. Такие женщины никогда не волновали Джервейза, ему было неинтересно играть в игры, которых требовали неписанные правила, но сейчас, увидев, как эта девушка положила на локоть молодого поклонника свою изящную руку, он решил, что на сей раз сделает исключение.

Потом она вдруг повернулась и взглянула на него своими

бездонными синими глазами, и эффект от этого взгляда отозвался во всем его теле. Красавица, шлюха... и загадка – все одновременно.

Не раздумывая больше ни секунды, он направился к ней. А она смотрела на него, и ее удивительные синие глаза, казалось, манили его и гипнотизировали. Мужчин, окружавших ее, Джервейз едва заметил. При его приближении девушка встала и протянула ему изящную руку. Джервейз мгновение удерживал ее в своей, чувствуя прохладу тонких пальцев, потом наклонился и легонько коснулся их губами. По ее руке пробежала легкая дрожь, и в тот же миг Джервейз почувствовал нечто вроде приливной волны, нахлынувшей на него. Девушка молчала – вероятно считала, что она, как королева, должна позволить просителю заговорить первым. Не выпуская ее руки, Джервейз выпрямился и посмотрел ей в лицо. Она была чуть ниже среднего роста, а тонкая талия прекрасно подчеркивала пышность груди и изящные бедра. Вблизи она казалась столь же безупречной, как и на расстоянии. Сейчас, когда она внимательно смотрела на него, ее чувственные губы явно манили, хотя она не улыбалась и по-прежнему молчала. Один блестящий завиток выбивался из ее прически, и Джервейз несколько секунд не мог отвести от него глаз – никогда еще ему не доводилось видеть такие волосы цвета красного дерева. Украшений на ней не было – да и зачем они ей нужны? Как лилия, совершенная в своей красоте, она не нуждалась в позолоте.

Какое-то время они были немы и неподвижны точно статуи, но в глубине лазурных глаз, пристально смотревших на Джервейза, светилось какое-то чувство, которое он не мог расшифровать. Сжав руку красавицы, виконт вывел ее из кружка поклонников, сказав только одно-единственное слово:

– Пойдем.

Со всех сторон послышался негромкий мужской ропот, и Джервейз, не отрывая взгляда от женщины, сказал:

– Я скоро ее верну.

Он повел красавицу в нишу возле окна, где они могли найти относительное уединение: их, конечно же, видели, но слышать не мог никто. Двигалась она с непринужденной грацией, какой и требовала ее красота. Джервейз все еще держал прекрасную незнакомку за руку, и ее близость плохо сказывалась на его мыслительных способностях. Он начал с самого простого:

– Я Сент-Обин. А вы?

– Я миссис Диана Линдсей.

Голос у нее был необычайно приятный, музыкальный, не испорченный провинциальным акцентом. Такая женщина вполне могла бы быть герцогиней – если бы хоть одна герцогиня обладала такой же красивой внешностью. Ее окружал едва уловимый аромат лилии, и это усиливало иллюзию невинности, которую она столь искусно симулировала. Было очевидно, что эта женщина окажется очень дорогой, но

Джервейзу было все равно. Пристально взглянув на красавицу, он тихо спросил:

– Что нужно, чтобы вас завоевать?

Это была более вежливая версия вопроса, уже давно вертевшегося у него в голове.

Его густой и звучный голос равно подходил и для слов о любви, и для отдачи приказов. Сердце Дианы бешено колотилось, и она сделала глубокий вдох, пытаясь сохранить самообладание. Чего же, собственно, она от него ожидала? Что он ее похитит? Изнасилует? Обвинит в том, что она шлюха? Объяснится в любви? Она в одно мгновение поняла, что этот мужчина – ее судьба и рок, но он ее явно не узнавал. Что ж, так даже лучше. Она, наконец, высвободила руку из его пальцев и с улыбкой ответила:

– Вы можете за мной ухаживать, и тогда узнаете.

Его черные брови приподнялись.

– Ухаживать за вами? Но я пришел сюда не в поисках жены.

– А я – не в поисках мужа. Но если вам не нравится слово «ухаживать», то найдите другое. Слова не имеют значения, главное – вы должны доставить мне удовольствие, если вы меня хотите.

Серые глаза лорда Сент-Обина прищурились, и он с явным неодобрением проговорил:

– Значит, вы развлекаетесь, наблюдая, как ваши поклонники соперничают, пытаясь вас ублажить, а вы стравливаете

их, как бойцовых петухов? Нет, мадам, такие игры меня не привлекают.

«Слишком уж гордый... – подумала Диана. – Впрочем, ничего удивительного. Гордость во всем его облике. Интересно, умеет ли он улыбаться? И если умеет, то придаст ли улыбка жизни этим холодным правильным чертам?» Стараясь выглядеть непринужденно, Диана с улыбкой сказала:

– За сегодняшний вечер я встретила много мужчин, но вы – единственный, с кем согласилась побеседовать наедине. – Заметив, что виконт чуть-чуть расслабился, она добавила: – Могу вам кое-что обещать, милорд. Может оказаться, что при более близком знакомстве я решу, что вы мне не подходите, но я не стану над вами насмехаться.

Виконт едва заметно улыбнулся, и улыбка, озарившая суровые черты, сделала его более привлекательным.

– Надеюсь, что это правда, – кивнул он. – Есть вещи, которые я категорически не потерплю даже от такой красивой женщины, как вы.

– И есть вещи, которые я не потерплю даже от такого богатого мужчины, как вы, – ответила Диана с нотками раздражения в голосе.

На лице виконта отразилось удивление, но потом его улыбка стала еще шире и он заметил:

– А вы, оказывается, высокомерны, миссис Линдсей.

– Милорд, это просто коммерция, не более того.

Диана грациозно переступила с ноги на ногу, и от этого

движения по шелку ее платья пробежала рябь. Виконт явно отметил эту ненавязчивую демонстрацию, и она на него подействовала. У Дианы возникло озорное желание еще больше вывести его из равновесия, и она, немного меняя тему, сказала:

– И я, как любой торговец, стараюсь продавать то, что нужно клиентам. Поскольку же этот рынок может быть весьма прибыльным, было бы глупо с моей стороны не торговаться за наилучшие условия.

Губы виконта дрогнули в насмешливой улыбке.

– Но неужели вашей коммерции не угрожает конкуренция, то есть слишком обильное предложение уцененного товара? Говорят, в Лондоне каждая десятая женщина продает такой же товар, и это не считая тех, кто предоставляет те же самые услуги бесплатно или по контракту, заключенному на всю жизнь.

Диана засмеялась.

– Вы смешиваете два разных продукта. Свою женственность продают многие, но женщины необычайной красоты продают мечты.

Явно озадаченный этим ее заявлением, виконт какое-то время молчал.

– Вы не только дерзкая, но еще и самодовольная, – пробормотал он наконец.

Диана вскинула брови.

– Разве знать себе цену – это самодовольство? Ведь у ме-

ня есть всего несколько лет, чтобы дорого продавать мой товар, а потом стоимость снизится. Так почему бы мне не искать лучшей цены? – Поначалу Сент-Обин ее встревожил, но теперь она начала получать от этого разговора удовольствие. Диана никогда еще не разговаривала с мужчиной таким образом, и сочетание интеллектуального подшучивания и эротического подтекста казалось очень возбуждающим. – Деньги важны, но хорошую плату дадут большинство находящихся здесь мужчин. Так почему бы мне не доставить себе удовольствие другими способами?

– Серьезный аргумент, – сухо заметил лорд Сент-Обин. – Но если ваши стандарты слишком высоки, то я, возможно, не смогу им соответствовать. И будет очень жаль, если это так.

Несмотря на непринужденность его тона, в нем чувствовалась затаенная угроза, и Диана – на сей раз без улыбки – отчетливо проговорила:

– Тогда постарайтесь соответствовать моим стандартам, лорд Сент-Обин. Очаруйте меня, заставьте почувствовать себя прекрасной и желанной. Или обаяние не то качество, которое вы в себе культивировали?

Он протянул руку и коснулся ее щеки. Пальцы виконта были теплыми и сильными, и Диана остро осознавала его мужественность. Ее тело тотчас откликнулось на это прикосновение, и тепло, волнами растекавшееся по ее телу, ослабило ее волю – ей захотелось раскрыть объятия и уступить его желаниям. Это было совершенно новое для нее ощущение –

ничего подобного ей еще не доводилось испытывать, – и она вдруг испугалась, но не этого мрачного лорда с холодными глазами и теплыми руками, а самой себя.

А Сент-Обин тихо сказал:

– Никто никогда не называл меня обаятельным, но другие достоинства у меня все-таки имеются.

С этими словами он приподнял подбородок Дианы и, наклонив голову, поцеловал ее. Его теплые губы ничего не требовали, но очень многое обещали. Их тела не соприкасались, токи взаимного влечения концентрировались только между их губами, но их сила была подобна лесному пожару.

Диана боялась своего первого поцелуя – боялась и самой интимности, и того, что выдаст свою неопытность. Сейчас ее сердце билось все быстрее и быстрее; она не знала, что поцелуй может быть таким. О, такого она точно не ожидала, но ей казалось, что этот сероглазый мужчина знал, что у нее кружилась голова, и чувствовал, что ей хотелось прижаться к нему крепко-крепко. Когда же он поднял голову и заглянул ей в глаза, Диана испытала одновременно и облегчение, и сожаление. Она отступила на шаг, а потом, улыбнувшись с таким видом, словно подобные поцелуи для нее в порядке вещей, естественны, как дыхание, сказала:

– Я засчитаю это в ваш счет. – Она с радостью отметила, что ее голос не дрожал. – Это отчасти компенсирует некоторые ваши недостатки.

Глаза Сент-Обина сверкнули, и Диана решила, что раз-

гневала его, но он вдруг усмехнулся и проговорил:

– Когда вы уйдете в отставку с вашей нынешней работы, то сможете стать клерком в Сити – например вести счета и подводить балансы. – Он окинул ее долгим взглядом и с насмешливыми нотками в голосе добавил: – В том, что касается пропорций, вы явно эксперт. – Диана еще не успела ответить на эту двусмысленность, как вдруг виконт спросил: – Вы ездите верхом?

Диана помедлила с ответом.

– Я ездила, но это было несколько лет назад, и я не держу в Лондоне лошадь, – сказала она наконец.

– Это легко исправить. Если вы согласитесь поехать со мной кататься, могу предоставить вам лошадь.

Снова немного помедлив, Диана кивнула.

– Да, хорошо. С радостью составлю вам компанию.

– Тогда завтра утром. В семь часов – устраивает?

Обычно Диана в это время завтракала вместе с Джоффри перед его уходом в школу, но она заранее знала, что ее новое занятие внесет изменения в распорядок дня. Что ж, она пропустит завтрак, но компенсирует это вечером – проведет с сыном больше времени.

– Очень хорошо, милорд, завтра в семь. Чарлз-стрит, семнадцать.

Он удовлетворенно кивнул.

– Я приведу лошадь, подходящую для леди, которая давно не ездила верхом.

– Благодарю вас, милорд, – отозвалась Диана и тут же добавила: – Но необязательно, чтобы это был совершеннейший тихход.

– Не беспокойтесь, лошадь будет спокойная, но не вялая. А теперь позвольте вернуть вас вашим обожателям.

Сент-Обин предложил ей руку, и она положила пальцы на рукав его темно-синего фрака. Упругая сила его руки почувствовалась даже сквозь слои толстой ткани, и Диана невольно поежилась. Мадлен говорила, что страсть и неумемное желание могли поставить на колени даже очень сильного мужчину, но к такому, как Сент-Обин, это явно не относилось. Его сила была не только физической – в этих ясных ледяных глазах чувствовались решимость и спокойная власть. Он мог ее желать, но невозможно было представить, что он позволит какой-либо женщине взять над ним власть. Диана с тревогой вспомнила слова Мадлен о том, что желание могло точно так же привязать женщину к мужчине. Тогда Диана не верила, что такое могло бы произойти с ней – ведь она прекрасно жила без мужчины, – но теперь уже не была так в этом уверена.

Глядя на строгий профиль Сент-Обина, она думала про лорда Риджли, про его добрые глаза и очевидное желание угодить ей. Сент-Обин вернул ее на прежнее место, молча поклонился и ушел. Диана пожала плечами с ощущением покорности судьбе. С одной стороны, она могла свободно выбирать, но с другой... казалось, у нее совсем не было выбора.

В ее реакции на мрачного лорда не было никакого расчета, просто она точно знала: этот мужчина – ее судьба.

Глава 4

Некоторые поклонники Дианы смотрели на нее с укоризной – ведь она позволила другому мужчине ее поцеловать, – но остальные пытались увлечь ее куда-нибудь в тихий уголок, рассчитывая на такие же вольности. Но Диана с помощью улыбок и шуток весьма удачно уклонялась от подобных предложений. А вот с Мадлен все было гораздо сложнее. Старшая подруга видела сцену с Сент-Обином, и как только они покинули вечеринку и сели в экипаж, она дала выход своему раздражению.

– Ради всего святого, Диана, почему ты позволила ему отвести тебя в сторону так явно?

– Я не семнадцатилетняя девушка с безупречной репутацией, которую надо защищать, – мягко возразила Диана. – Кроме того, я все время оставалась на виду.

– Да, и на виду у всех ты позволила ему тебя поцеловать.

– Строго говоря, я не позволяла.

Уличный фонарь ненадолго осветил хмурое лицо Мадлен: она вздохнула и вновь заговорила:

– Тогда все еще хуже. Если ты хочешь преуспеть как куртизанка, тебе нужно научиться контролировать происходящее, а не уступать ухаживаниям каждого встречного.

– Я уступила только одному.

– Но кому? Лорду Сент-Обину!

– С ним что-нибудь не так? – Диана с любопытством взглянула на подругу. – Ты была с ним знакома, когда жила в Лондоне?

– Нет, – покачала головой Мадлен. – Я навела о нем справки сегодня вечером, после того как он ушел. Он провел несколько лет в Индии, служил в армии, а несколько лет назад, когда унаследовал титул, вернулся домой.

– И что же?.. Что именно ты выяснила? Он игрок, промотавший фамильное состояние? Или мерзавец, которого порядочные люди презирают?

– Нет-нет, – опять покачала головой Мадлен. – Ничего такого за ним не числится.

– Вот и хорошо. Я собираюсь завтра утром поехать с ним кататься верхом. И если ты считаешь, что мне лучше избежать этого человека, то выразишься яснее. – В голосе Дианы послышался непривычный для нее сарказм.

Мадлен в очередной раз вздохнула.

– Видишь ли, когда упоминаешь его имя, люди реагируют как-то странно. По-видимому, он холодный и неприветливый человек. Да, весьма уважаемый, но, похоже, люди его не любят. – Мэдди умолкла и после долгой паузы добавила: – Говорят, он работает на правительство, глава шпионской сети... или что-то в этом роде. И еще говорят, что он довел свою жену до безумия и держит ее взаперти в каком-то замке в Шотландии.

– Боже! – воскликнула Диана. – Прямо как в готическом

романе! А есть ли какие-то доказательства этих обвинений?

– Вообще-то нет, – сказала Мадлен. – Я расспросила всех, кого только смогла, и никто даже не уверен, что он женат. Но поскольку слухи упорные... Думаю, это все-таки что-то значит. Сент-Обин редко бывает в свете, и сегодня вечером, когда он появился у Гарриет, многие удивились. Да, и еще он очень богат.

– И что же из всего этого делает его нежелательным кандидатом на роль покровителя? – осведомилась Диана. – Конечно же, не его богатство, не так ли?

Экипаж остановился перед их домом, и подруга не ответила. Они быстро вошли и поднялись в комнаты Мадлен. На этом этаже находились также и апартаменты Дианы. У каждой из подруг имелись спальня, гостиная, гардеробная и комната с ванной невероятной роскоши, а Джоффри и Эдит жили этажом выше.

Диана видела, что Мадлен очень устала, и ей стало жаль подругу. К счастью, здоровье Мэдди восстановилось, но она была уже не молода, перенесла серьезную болезнь, и возвращение к лондонской жизни стало для нее большой нагрузкой; к тому же она волновалась за свою молоденькую протеежку. Усадив Мадлен в кресло и налив ей бокал шерри, Диана вытащила из прически подруги шпильки и начала расчесывать ее темные волосы.

Когда Мэдди немного расслабилась, Диана снова спросила:

– Чем же так плох лорд Сент-Обин?

– Очень уж он холодный, – пробурчала Мадлен. – И даже если он не шпион и никогда не был женат – все равно не сделает тебя счастливой. Ты допускаешь, что я знаю о мужчинах и любви больше, чем ты?

– Конечно, я с этим согласна, – кивнула Диана.

Она помогла Мэдди переодеться в мягкий красный халат, затем налила шерри и для себя, после чего села на диван напротив подруги и стала выдергивать шпильки из своей прически.

– Так расскажи, почему Сент-Обин так тебе не нравится.

Мэдди в задумчивости повертела в пальцах ножку бокала с шерри, наконец тихо проговорила:

– Мое главное возражение состоит в том... Видишь ли, ты слишком эмоциональная, слишком любящая. Я сомневаюсь, что ты сможешь с холодной головой строить отношения с любовником. Успешная куртизанка должна быть несколько... отстраненной. Худшее, что можно сделать, – это влюбиться в своего покровителя. – Мадлен криво улыбнулась. – Уж поверь, я кое-что об этом знаю.

Диана смотрела в бокал с янтарным напитком.

– Разве любовь может быть неправильной?

– Любовь может не быть неправильной, но она часто причиняет очень сильную боль. Она не согреет и не утешит тебя в тот момент, когда твой любовник бросит тебя ради более молодой женщины или уйдет, чтобы праведно жить со своей

законной женой.

Диана кивнула. Она всегда подозревала, что два года назад Мадлен погнала из Лондона не только болезнь, но и что-то другое.

– Мне очень жаль, – сказала она с сочувствием в голосе. – Значит, это случилось с тобой?

Мадлен долго молчала, и Диана уже подумала, что подруга не ответит, но та наконец сказала:

– Не совсем. Моим последним покровителем был Николас. В течение семи лет. Его сварливая жена постоянно жила в поместье, поэтому мы с ним могли проводить много времени в Лондоне. Именно Николас купил мне этот дом, и он бывал здесь чаще, чем в собственном доме. – Мэдди надолго погрузилась в воспоминания, потягивая шерри, потом вдруг сказала: – Он хотел на мне жениться, представляешь! Смешно?

– Нисколько. – Диана покачала головой. – Ты красивая и добрая, любой мужчина мечтает о такой жене.

В свете свечей в глазах Мадлен блеснули слезы, и она тихо проговорила:

– Нельзя сказать, чтобы такие мужчины, как он, никогда не женились на таких женщинах, как я. В конце концов, Эмма Харт стала британским послом на Сицилии, потому что вышла замуж за сэра Уильяма Гамильтона, – а она была не лучше меня ни по происхождению, ни по поведению. Высший свет мог не принять меня и Ника, но это бы никого из

нас не волновало. – Мадлен тяжело вздохнула. – Увы, Николас не был свободен, поэтому не мог жениться. Его жена была слишком холодной женщиной, чтобы совершить супружескую измену, так что у него не имелось оснований для развода. Но мы все равно были счастливы, пока его жена не решила положить конец нашим отношениям. Она пригрозила, что он потеряет семью и детей. Николас разрывался на части: не хотел отказываться от меня, – но на другой чаше весов лежало все, что было до этого в его жизни. – Она покрутила в пальцах хрупкую ножку бокала. – Возможно, мои переживания из-за сложившейся ситуации имели какое-то отношение к моей болезни, я уже думала об этом. Мне доводилось видеть, как несчастья приводят к ухудшению здоровья.

Мадлен поднесла к губам бокал и осушила его. Диана встала и налила подруге еще. А та, немного помолчав, продолжила:

– Я уехала из Лондона отчасти для того, чтобы ему больше не пришлось выбирать между мной и остальной его жизнью. И еще для того, чтобы ему не пришлось видеть, как я умираю. Остальное ты знаешь.

Диана немного помолчала, потом спросила:

– Твой Николас все еще в Лондоне?

Мадлен покачала головой.

– Нет. Это было первое, что я выяснила, как только мы сюда приехали. Теперь он постоянно живет в своем поместье. Если бы были хоть какие-то шансы его встретить, я бы

не показывалась на людях. Для меня было бы невыносимо снова его увидеть. Ничто не изменилось. Во всяком случае, я не изменилась. Он, возможно, изменился. Надеюсь, что изменился. Так для него было бы лучше.

Диана с сочувствием взглянула на подругу. Как это типично для щедрой души Мадлен – стремиться избавить любимого от страданий, хотя сама она все еще страдала.

– Теперь понимаешь, Диана, почему куртизанке не стоит влюбляться в своего покровителя? Такая любовь может принести минуты радости, но боли – гораздо больше. Сильная страсть может быть разрушительной, и она почти никогда не приносит счастья. Гораздо лучше иметь покровителя, который тебе друг или которого ты любишь... совсем чуть-чуть.

– Но если Сент-Обин такой холодный, то почему же ты считаешь, что я могу в него влюбиться?

– Я думаю, что ты влюбишься в любого мужчину, которого выберешь в любовники, – сказала Мадлен. – Это дурная привычка, свойственная почти всем женщинам, а ты еще более уязвима, чем многие из нас. Ты сама не знаешь, как жаждешь быть любимой и любить.

– Но в моей жизни много любви: Джоффри, Эдит, ты... – Диана пожала плечами. – Почему ты так уверена, что я потеряю голову от мужчины только потому, что мы станем любовниками?

– Любовь к мужчине очень отличается от любви к ребенку или подруге. И какой бы сильной ни была любовь к ним,

она не может заменить женщине мужчину. – Чуть подавшись вперед, глядя Диане в глаза, Мадлен продолжила: – Пожалуйста, доверься моему суждению по этому вопросу и не связывайся с лордом Сент-Обином. Выбери мужчину вроде лорда Риджли. Он, конечно, не так красив, но будет тебя обожать. Или этот славный мальчик Клинтон. Он будет посвящать поэмы твоим глазам... И как бы ни сложились твои отношения с кем-то из этих двух, оба они гораздо предпочтительнее Сент-Обина. – Мэдди тихо вздохнула. – Я знала мужчин вроде него. Он, конечно, привлекательный внешне и в состоянии щедро заплатить. Более того, он даже может доставить тебе удовольствие в постели. Но от него ты увидишь мало доброты и еще меньше любви.

Откинувшись на спинку дивана, Диана подтянула к подбородку колени и, обхватив их руками, тихо проговорила:

– Мне очень жаль, Мэдди. Думаю, ты права, но... Я обязательно должна это сделать.

– Господи, Диана, но почему? – воскликнула Мадлен. – Всякий раз, когда речь заходит о чем-то важном, ты смотришь с загадочным видом и говоришь, что должна это сделать. Мы с тобой подруги, однако я понятия не имею, что у тебя на уме! И вообще, ты ведь неглупая женщина... – Мэдди в растерянности развела руками.

– Извини. – Диана тихо вздохнула. – Я знаю, как тебе тяжело, и понимаю: ты делаешь все возможное, чтобы убереечь меня от страданий. – Она помолчала, собираясь с мысля-

ми. – Понимаешь, дело вовсе не в интеллекте. Я могу читать поэтов и философов и умно рассуждать о прочитанном, но это не имеет отношения к реальной жизни. Эмоции и инстинкт – именно они управляют моими поступками, которые объяснить рационально я не в силах. Я знала, что должна поехать в Лондон и узнать какова жизнь дамы полусвета, а сейчас знаю, что должна почаще видаться с лордом Сент-Обином. – Голос Дианы дрогнул, и она закончила почти шепотом: – Я была бы другой, если бы могла.

Мадлен ощутила боль младшей подруги так же остро, как свою собственную; она видела в Диане дочь и сейчас ужасно переживала – как все родители, которые хотят уберечь своих детей от трагических ошибок. Мэдди долго молчала, наконец со вздохом сказала:

– Извини, дорогая. Я пытаюсь учить тебя, хотя сама когда-то наделала множество ошибок. Что ж, если ты должна – значит, должна. – Вспомнив, как виконт отреагировал на Диану, она с улыбкой заметила: – Знаешь, иногда у мужчин вроде Сент-Обина подо льдом скрыт огонь. Если какая-то женщина и способна его обнаружить, так это, конечно же, ты.

– Возможно, – сказала Диана. – Поживем – увидим.

Мэдди была права, обвиняя ее в том, что она скрывала свои тайные замыслы. Диана никогда не умела говорить о том, что было ей дороже всего. Но кое-какими мыслями она все же могла поделиться.

– Знаешь, Мэдди, после нескольких месяцев раздумья я, кажется, поняла, почему мне вообще так захотелось узнать, какова жизнь куртизанки.

Мадлен села поудобнее и, поощряя подругу к откровенности, спросила:

– Почему же?

– Именно ты навела меня на эту мысль. Когда ты рассказывала о своей жизни, она мне казалась... необычайно свободной – такой, какой я никогда не знала. И я... поняла, что не хочу провести всю жизнь без мужчины. А в Клеведене перспектив очень мало. В Лондоне же есть выбор, поэтому... В общем, мне очень понравилась эта идея. – Диана лукаво улыбнулась. – А еще мне понравилось, как ты сказала про красоту, которая дает женщине власть. Это, по-моему, самое привлекательное.

– Настолько привлекательное, что тебя не волнует, как такая жизнь повлияет на твоего сына?

– Мэдди, ты прекрасно знаешь, что это не так, – резко ответила Диана. – Будущее сына больше всего меня беспокоит, и мой успех в качестве куртизанки обеспечил бы его материально. Возможно, мне удастся приобрести полезные связи, если я познакомлюсь с влиятельными людьми. Джоффри нравится в лондонской школе, и сейчас он по-настоящему счастлив. Если повезет, я смогу распрощаться с жизнью куртизанки и вернуться к респектабельности еще до того, как сын начнет понимать, чем я занимаюсь.

Сообразив, что пытается оправдать свое решение заботой о сыне, Диана потупилась, скрывая слезы. Но ведь действительно, если бы не Джоффри... Она украдкой смахнула со щеки слезинку.

– Извини, дорогая... – Мадлен виновато улыбнулась. – Мне не следовало это говорить. Но пойми, я не могу не беспокоиться. Ох, чем все это обернется для тебя и для Джоффри. Ладно, будь что будет, но помни: я всегда буду готова помочь тебе, что бы ни случилось.

Диана едва заметно кивнула – на нее внезапно навалилась ужасная усталость. К добру или к худу, но она уже привела в движение силы, которые невозможно остановить. И оставалось только молиться, чтобы этот ее интуитивный выбор не привел к катастрофе.

Оставив экипаж кузену, Джервейз отправился домой пешком. Ночной Лондон не самое безопасное место, но ветеранов англо-маратхской войны не так-то легко испугать. Шагая по улице и с наслаждением вдыхая полной грудью прохладный ночной воздух, виконт пытался понять, что его так привлекло в Диане Линдсей. Френсис прав: пора завести новую любовницу. Жаль, что нельзя обходиться без женщин. Некоторые мужчины могут жить как монахи. Что ж, может, и так. Но сам-то он не мог жить без женщин. Господь, так щедро одаривший его земными благами, к сожалению, наделил его и чрезмерной мужской силой, которую надо было

куда-то девать...

В Индии Джервейз держал у себя худенькую девушку с темными миндалевидными глазами и впечатляющим эротическим репертуаром. Сананда мало говорила, выполняла также и обязанности служанки и ничего не просила для себя. Виконт несколько лет обеспечивал ее и всю ее семью, а уезжая, оставил им столько денег, что они смогли купить два процветающих магазина. Девушка была ему благодарна за финансовую щедрость, но если у нее и были какие-то личные сожаления из-за его отъезда, то она никак их не проявила.

Такая девушка, как Сананда, была для него во многих отношениях идеальной. Она не предъявляла никаких требований, как делала бы англичанка на ее месте. Здесь, в Лондоне, было бы легко найти чью-нибудь неудовлетворенную жену и завести с ней роман. Но за такими женщинами следовало ухаживать и добиваться их, а на это пришлось бы тратить время и усилия. Кроме того, подобные дамы хотели слышать лживые слова о любви, а у Джервейза не было ни малейшего желания их произносить. Проститутки же низкого ранга ему не нравились, во-первых – из-за опасности заразиться, а во-вторых, из-за выражения безнадежности, которое порой мелькало в их глазах. Такие же глаза были у той жалкой девочки, на которой он когда-то женился.

Джервейз, конечно же, прекрасно понимал, что ему следовало искать такую любовницу, которая будет благодарна за финансовое обеспечение, а тратить время на экзотическую и

наверняка очень дорогую красавицу вроде Дианы Линдсей – это было глупостью с его стороны. Но, вспомнив ее чувственное тело и безупречные черты лица с бездонными, манящими глазами, он решил не слишком усердствовать в здравых рассуждениях. Какой прок от богатства, если иногда не побаловать себя дорогой фривольностью? Диана Линдсей необычайно привлекательная фривольность.

Сент-Обин-Хаус представлял собой скучно-серую, но весьма внушительную каменную громаду, слишком большую для одного человека. Джервейз вошел, открыв дверь собственным ключом. Далеко не сразу удалось ему убедить слуг, что он предпочитает уединение: на это потребовались месяцы, – но в конце концов он своего добился. В вестибюле на столике его ждала лампа, и Джервейз тотчас подтянулся к ней. Ему совершенно не хотелось спать, поэтому он прошел в гостиную – богато декорированную комнату, созданную, казалось, для гигантов или для богов. Кессонный потолок с росписями в итальянском стиле на высоте второго этажа... Гигантский восточный ковер, сотканный на заказ специально для этой комнаты... Резные мраморные каминные в обоих концах гостиной... И изящная мебель, спроектированная Робертом Адамом¹.

Миновав гостиную, Джервейз вошел в кабинет, вдоль стен которого стояли шкафы с книгами. В этой комнате его отец

---

¹ Роберт Адам (1728–1792) – шотландский архитектор-неоклассик, дизайнер интерьеров и дизайнер мебели. – *Здесь и далее примеч. ред.*

бывал особенно часто, и когда Джервейз вернулся из Индии, в воздухе все еще витал запах трубочного табака покойного виконта. Однако присутствие самого отца не ощущалось, что было неудивительно – даже при жизни старого виконта отец с сыном почти не общались.

Окинув взглядом кабинет, Джервейз принялся бродить по дому, который унаследовал. В этот час все слуги находились на своей территории, и бесконечные залы и комнаты, которые он мерил шагами, были пусты. Шаги Джервейза слабым эхом отдавались от высоких потолков и полов. Бальный зал был огромен и тих, его ни разу не использовали с тех пор, как четырнадцать лет назад умерла его мать. Главная лестница, представлявшая собой две широкие симметричные дуги, была, наверное, самое грандиозной во всем Лондоне. Его мать выглядела чрезвычайно величественно, когда спускалась по этой лестнице, сверкая драгоценностями в золотистых волосах и на шее. Хотя и этот особняк, и все, что в нем находилось, принадлежало Джервейзу, он не чувствовал его своим домом и не испытывал гордости от обладания Сент-Обин-Хаусом. Если этот великолепный мавзолей кому-то и принадлежал по-настоящему, так это горничным, полировавшим мебель и натиравшим полы. Даже прожив здесь два года, Джервейз все еще чувствовал себя чужаком в этом доме. Возвращаться в этот унылый дом под унылыми английскими небесами было необычайно тягостно. Возможно, Британия для того и обзавелась колониями,

чтобы британцы могли жить в более приятном климате, но при этом все же оставаться под британским флагом.

Пока Джервейз в течение пяти месяцев плыл домой, он обдумывал возможность продать Сент-Обин-Хаус и найти себе более скромное жилище, но потом отказался от такой мысли. Ведь этот дом, являвшийся частью наследия Сент-Обинов, должен был со временем перейти к Френсису или его наследникам... Его кузен, всегда веселый и жизнерадостный, когда-нибудь женится, и его семья согреет и оживит эти холодные комнаты. А они действительно казались холодными, несмотря на множество резных мраморных каминов, ибо холод этот был чем-то более глубоким, чем физическое ощущение. Любопытно, был ли счастлив кто-нибудь из прежних обитателей этого особняка? Для себя самого Джервейз не ожидал ни теплоты, ни счастья. В Индии он научился искупать свои грехи хорошей работой или исполненным долгом, и этого было вполне достаточно. Он выстроил свою жизнь так, что приносил пользу и заботился о благополучии тех, кто от него зависел. Ему было многое дано, и он считал своим долгом использовать все свои возможности во благо.

В какой-то момент Джервейз начал осознавать истинную цель своих блужданий по дому. Да-да, пора было встретиться с призраком матери...

Медора, виконтесса Сент-Обин, дочь герцога, была столь же грациозна, как и обаятельна, столь же испорчена, как и красива. С тех пор как Джервейз видел ее в последний раз,

прошло восемнадцать лет – восемнадцать лет его нога не ступала в эти комнаты. Однако он до сих пор отчетливо видел, как она плывет по комнате, и слышал эхо ее радостного беспечного смеха. Ребенком он обожал свою мать и был благодарен даже за незначительные намеки на нежность с ее стороны и приходил в отчаяние, когда она сердилась или раздражалась. Он тогда был слишком мал, чтобы понимать, как мало ее настроение зависело от него, и винил себя за то, что не сумел ей угодить.

В гостиной его матери, все еще декорированной поблекшими панелями розового шелка, который она любила, висел ее портрет. Остановившись на пороге и опершись рукой о дверной косяк, Джервейз долго всматривался в картину. Портрет в полный рост был написан сэром Джошуа Рейнольдсом, и Медора выглядела на нем как живая – казалось, вот-вот сойдет со стены. Виконтесса была в одеянии из узорчатого белого шелка, а от пудры для волос отказалась, и ее волосы природного золотистого цвета локонами ниспадали на плечи. На картине присутствовал и Джервейз, которому тогда было шесть лет. Он смотрел на мать, и его темноволосая голова была изображена в профиль. Присутствие на полотне ребенка создавало ложное впечатление материнских чувств. Истинной же причиной появления мальчика было обожание, написанное на его лице, – этой женщине требовалось, чтобы ей поклонялись. До сих пор Джервейз отчетливо помнил, как они позировали художнику. Во время ра-

боты над картиной к матери приходили друзья, и она смеялась и шутила с ними, чем вызывала острое недовольство Рейнольдса. Джервейз же молчал, он был счастлив, что проводит так много времени рядом с матерью, и очень старался не сделать ничего такого, из-за чего его могли бы отослать прочь.

Однажды какой-то друг леди Медоры сделал ей комплимент по поводу хорошего поведения мальчика, на что она с усмешкой ответила, что ее сын уже родился человеком среднего возраста. Джервейз часто спрашивал себя, была ли то похвала или оскорбление. Он не знал этого даже сейчас. Одно не вызывало сомнений: его мать бросила эти слова, не вкладывая в них глубокого смысла. Несмотря на свою внешность – она казалась воплощенной невинностью, – леди Сент-Обин была распутницей и мастерицей потакать своим прихотям. При этом она прилежно подарила мужу двух наследников мужского пола. Старший умер в раннем детстве, а младший стоял сейчас у порога и рассматривал лицо матери, пытаясь понять, что сделало ее такой, какой она была.

Медора Бранделин была единственным человеком, которого любил Джервейз, а для нее этот факт ничего не значил. Даже меньше, чем ничего. Оглядываясь назад, Джервейз верил, что ее преступление против сына было бездумным и беззлобным, – возможно, она относилась к нему с некоторым любопытством, не более того.

Джервейз грустно улыбнулся и с облегчением вздохнул:

теперь-то он мог похоронить мать в том же темном колодце памяти, где хранил фарс своего брака. Воспоминания о той катастрофе по-прежнему мучили, но он старался пореже вспоминать об этом. По сведениям его адвоката, умственно неполноценная девочка, на которой он женился, была жива и пребывала в добром здравии.

Ох каким же он был дураком, когда оказался в ловушке этого карикатурного брака. Не будь он тогда сильно пьян, такого бы не случилось. Впрочем, сейчас тот инцидент уже не казался такой уж ужасной катастрофой. Та девочка, Мэри Гамильтон, получила постоянный доход, и, вероятно, с ней сейчас обращались лучше, чем до того случая. А Джервейз хорошо усвоил горький урок. С тех пор он контролировал себя железной рукой и никогда больше не позволял себе выпить лишнего или предаться какому-то другому пороку, способному лишить его самоконтроля. Женитьба также стала и отличным предлогом для того, чтобы воздержаться от брачных ритуалов высшего света. Будь Джервейз свободным, его бы считали очень выгодным женихом, а теперь он избавлен от этой скучной и отнимающей много времени участи. Он никому не открывал истинные подробности своего брака, однако несколько осторожных намеков на сумасшедшую жену в Шотландии охладили пыл охотников за его состоянием.

Бросив последний взгляд на портрет матери, Джервейз обнаружил, что ее насмешливые глаза словно держали его и не отпускали. Ее чувственные губы были чуть приоткрыты, и

казалось, что она собиралась высказать какие-то свои тайные мысли – мысли, которые у него не было желания услышать.

Джервейз повернулся к портрету спиной. Завтра он велит упаковать его и отправить в Обинвуд. Экономка может его повесить... Неважно где – где угодно. Главное – чтобы Джервейз никогда больше не увидел этот портрет.

Ночной сон развеял мрачные мысли, и утром, когда Джервейз ехал через Мейфэр, ведя за собой в поводу спокойную серую кобылу, его переполняли предвкушения... Но не передумала ли таинственная миссис Линдсей? Ведь среди таких, как она, верховая прогулка на рассвете не самое обычное дело.

По адресу на Чарлз-стрит, который она ему дала, он увидел красивый, но неброский дом, находившийся среди аристократических резиденций всего в нескольких кварталах от его особняка. Снаружи ничто не указывало на род занятий его обитательницы. Должно быть, миссис Линдсей была очень хороша в своем ремесле, если заработала на такую роскошь. Хотя... Возможно, какой-то богатый джентльмен арендовал дом специально для нее. Последняя мысль почему-то показалась Джервейзу неприятной.

Когда он спешил и накинул поводья на металлическую ограду, дверь открылась и миссис Линдсей спустилась по короткой мраморной лестнице. Раньше Джервейз спрашивал себя, могла ли она и в самом деле быть такой красивой, какой казалась прошедшим вечером, но сейчас, в утреннем свете,

она оказалась еще прекраснее. И, судя по сиянию ее синих глаз, Диана Линдсей этой ночью спала сном праведника. Ее блестящие темные волосы были зачесаны назад и уложены в строгий пучок. На ней была строгая темно-синяя амазонка с подходящей по цвету шляпкой, а единственной фривольностью в ее облике являлось пышное перо, украшавшее шляпку. Причем простота наряда лишь подчеркивала ее ошеломляюще красивое лицо и изящную фигуру. О, она действительно была красавицей! При виде ее у Джервейза зачастил пульс, виконту потребовалось сделать над собой усилие, чтобы его голос прозвучал ровно.

– Доброе утро, миссис Линдсей. Вы очень пунктуальны.

Она скромно подняла на него глаза.

– Я догадываюсь, что опоздания – одна из многих вещей, которые вы не терпите, милорд.

Когда она приблизилась к нему, Джервейз вдруг обнаружил, что у него сбивается дыхание. Ох, если бы она потребовала за одну ночь тысячу гиней, он бы ни отказался.

– Вы совершенно правы, миссис Линдсей. Я не люблю, когда меня заставляют ждать. – Джервейз указал на серую кобылу. – Вот ваша лошадь.

Глаза ее расширились, и в этом не было ничего удивительного – кобыла считалась одной из самых породистых в Британии.

– Она прекрасна! Как ее зовут?

– Ее зовут Федра, но вы можете поменять имя, если захо-

тите.

Миссис Линдсей посмотрела на него вопросительно.

– Милорд, что вы имеете в виду?

– Она ваша, – с улыбкой ответил Джервейз.

Наградой ему стали еще больше расширившиеся глаза красавицы.

С восхищением глядя на кобылу, она погладила ее по шее, затем, отдернув руку, проговорила:

– Я не могу ее принять. Между нами нет никакого соглашения, и я не хочу быть вам обязанной до того, как приняла какое-то решение.

Джервейза забавляло, как она играла Миссис Благопристойность. Она явно забыла первую заповедь шлюх, которая гласила: надо брать любой и каждый предложенный подарок.

– Кобыла – подарок, а не плата. Никаких обязательств.

Она окинула его внимательным взглядом, потом сказала:

– Что ж, посмотрим. Помогите мне, пожалуйста, сесть в седло.

Джервейз наклонился и сцепил замком пальцы. Положив одну руку на лук седла, Диана приподняла юбки до щиколоток и поставила ногу на руки виконта. Помогая ей подняться и сесть в дамское седло, он заметил, что ее ступни и щиколотки были такой же прекрасной формы, как и более видимые части тела.

То, что мужчина помогал женщине оправить юбки после того, как она садилась в седло, было в порядке вещей, и

это обстоятельство таило в себе разные возможности. Диана чуть напряглась, ожидая, что виконт коснется ее бедра или колена. Он явно колебался – очевидно, взвешивал, стоило это делать или нет. Она попыталась представить, каково было бы почувствовать его сильные руки. Но он в итоге просто оправил ее юбки, не коснувшись ноги под тканью. Она испытала одновременно и облегчение, и разочарование.

Укоротив ее стремя, Сент-Обин и сам сел на коня. Возможно, этот человек был именно такой холодный, как говорила Мадлен, однако показал себя образцом галантности. В седле он держался с естественной грацией. Впрочем, на лошади любой красивый мужчина выглядел самым выигрышным образом...

В этот час улицы Мейфэра оказались почти безлюдны, что было очень кстати для того, кто не садился на лошадь несколько лет. Кобыла шла очень плавно, и ехать на ней оказалось приятно. Они доехали до Гайд-парка, и Диана от удовольствия рассмеялась, запрокинув голову. Потом пустила лошадь галопом и несколько прекрасных мгновений наслаждалась бившим в лицо ветром, после чего перевела лошадь на медленную рысь и, повернувшись к своему спутнику, крикнула:

– Имя Федра ей очень подходит! Ведь это означает «радостная».

Темные брови виконта чуть приподнялись.

– Вы знаете греческий?

Диана замялась, думая, не совершила ли ошибку, но потом решила, что нет. Чем более загадочной он ее находил, тем лучше.

– Немного латынь и еще меньше – греческий, – ответила она с улыбкой.

– Миссис Линдсей, оказывается, у вас множество талантов.

– Милорд, даже куртизанки не проводят все время на спине, – отозвалась Диана.

Виконт тоже улыбнулся.

– Да-да, конечно. Им нужно проводить время в опере, где их замечают, и кататься по парку, где респектабельные леди их игнорируют. Кроме того, требуется время, чтобы холить свое тело, а также сплетничать с другими киприанками о мужчинах.

Чуть покраснев, Диана сдержанно ответила:

– Кажется, вы знаете о женщинах очень много.

– Совсем наоборот. Я вообще ничего о них не знаю.

На сей раз в голосе виконта прозвучала холодная отстраненность, и столь быстрая смена настроения немного удивила Диану. Пока их лошади шли медленной рысью бок о бок по широкой дорожке, ничто не мешало Диане хорошенько рассмотреть спутника. У Сент-Обина был строгий и красивый профиль – как у мраморной статуи какого-нибудь античного бога. Возможно, Мадлен оказалась права, и было бы куда разумнее выбрать мужчину попроще, но, увы, она, Ди-

ана, – не очень-то рассудительная женщина.

Стоял конец сентября, и листья окрасились в самые разные и недолговечные тона года. Когда они повернули обратно, Сент-Обин спросил:

– Миссис Линдсей, сколько вам лет?

– Вы хотите знать мой возраст? – удивилась Диана, а после недолгого колебания сказала: – Не уверена, что стоит вам об этом говорить. Возраст куртизанки – профессиональная тайна.

– Меня не интересуют точные цифры, – ответил виконт. – Я просто хочу быть уверен, что вам больше шестнадцати. Предпочитаю не укладывать в постель детей.

«Значит, ему не нравится соблазнять детей, – подумала Диана. – Очень интересный факт, который говорит в его пользу. Многие мужчины не обладают такой щепетильностью».

– На этот счет можете не волноваться. Двадцать четвертого июня мне исполнилось двадцать четыре года.

– В праздник летнего солнцестояния? Пожалуй, это все объясняет. Должно быть, вас подменили в колыбели, и вы фея, потому что простая смертная не может быть такой красивой.

Диана вспыхнула. Из-за того, что виконт сказал это как нечто само собой разумеющееся, его комплимент казался более многозначительным, чем любые пышные слова, которые ей шептали на ухо прошлым вечером.

– Спасибо, милорд, но я простая смертная. Даже скучная. Если вы заглянете под поверхность, то обнаружите, что во мне нет ничего необычного.

– Но меня интересует именно поверхность, – прошептал Сент-Обин.

Его взор скользнул по ее груди, задержался на талии. Никогда еще ее не рассматривали так тщательно, и румянец на ее щеках стал еще гуще. Что ж, такие взгляды – часть ее новой жизни. Она добровольно лишила себя права возмущаться дерзостью мужчин. Хотя... Казалось, что оценивающий взгляд Сент-Обина был не столько дерзким, сколько откровенным. Да-да, очень откровенным.

– Милорд, для того, чтобы получить внешнее, вы должны также принимать и все остальное, – с насмешливой улыбкой заметила Диана.

Они выехали из парка, и улицы теперь были более оживленными – появились всевозможные повозки, а торговцы вразнос начали обходить своих клиентов.

– Знаете, у меня есть имя. Когда я слышу «милорд» или «лорд Сент-Обин», мне кажется, что кто-то ищет моего отца.

– И как же вас зовут, милорд? – спросила Диана, хотя Мадлен ей это уже сообщила.

– Джервейз Бранделин. Я бы предпочел, чтобы вы так меня и называли... Диана.

– Милорд, я не давала вам разрешения звать меня по имени. Да и сама не готова звать по имени вас, – заявила Диана,

однако мысленно повторила его имя.

В звучании этого имени было нечто романтическое, и оно совсем не подходило к суровому мужчине, ехавшему рядом с ней. Или он на самом деле не такой? Когда они въехали на конюшню позади ее дома, она решила, что имелся только один способ выяснить это. Но не сейчас.

В столь раннее время конюшня пустовала, а конюх завтракал в доме. Сент-Обин спешился, подошел к Федре и протянул руки, чтобы помочь своей спутнице. При этом он крепко держал ее за талию. Но даже когда ее ноги уже твердо стояли на земле, он не отпускал ее.

– Милорд, я могу стоять без посторонней помощи, – сказала Диана.

– Не сомневаюсь в этом, – ответил он чуть хрипловатым голосом. – Но разве вы не знаете, почему мужчины отправляются с дамами на верховые прогулки? Это предоставляет... гм... кое-какие возможности.

В этот момент он навис над ней, и холодный огонь в его глазах заморозил Диану. И еще она чувствовала тепло, исходившее от его тела. Тут он наклонился, чтобы ее поцеловать, и она позволила ему это – следовало усвоить еще один урок из ее новой профессии. Поначалу поцелуй был нетребовательным – точно так же Сент-Обин поцеловал ее накануне вечером, – но даже такой поцелуй взволновал Диану. Оказалось, что у твердого и сурового мужчины могут быть очень мягкие губы. Диана невольно закрыла глаза, смакуя

происходящее, а затем начала отвечать на поцелуй. Этот ее отклик возымел взрывной эффект, и мужские руки скользнули по ее телу – Сент-Обин привлек Диану поближе, а поцелуй его стал более настойчивым. От многообразных ощущений у Дианы закружилась голова, и она прильнула к виконту; теперь-то она узнала, каково это – прижиматься к его мускулистому телу, и этот новый опыт оказался для нее столь же возбуждающим, сколь и тревожным. Ее груди были прижаты к его груди, и соски заняли от сладостной боли, словно требуя, чтобы их высвободили из плена плотной ткани. Внезапно рука виконта скользнула по ее спине, и пальцы сжали ягодицы. В тот же миг у Дианы возникло ощущение, что она оказалась в ловушке, что она совершенно беспомощная. Она попыталась освободиться, но мужские руки держали ее слишком крепко. Ее охватила паника, и она, упершись ладонями в грудь Сент-Обина, изо всех сил оттолкнула его. Висконт тотчас отпустил ее и сделал шаг назад. Потом отвернулся от нее и положил обе руки на седло своего коня. Сейчас он стоял, склонив голову, и Диана слышала его неровное дыхание. Она и сама жадно хватала ртом воздух – словно бежала по вересковым пустошам. Наконец он повернулся к ней и тихо проговорил:

– Прошу прощения, я не хотел вас напугать. Все дело в том, что вы действуете на меня... ошеломляюще.

Диана коротко кивнула, давая понять, что принимает его извинения. Для нее это был великолепный урок. Просто по-

разительно, как робкий отклик с ее стороны спровоцировал такую мощную мужскую реакцию. Однако для одного дня уроков было более чем достаточно. Нервно теребя хлыст, Диана тихо сказала:

– Прошу вас, поверьте, я не пытаюсь изображать кокетку. Я просто не ожидала, что события будут развиваться так быстро.

Сент-Обин уже восстановил самообладание и, отмахнувшись, с усмешкой произнес:

– Почему бы нам не заключить соглашение прямо сейчас? Вы же знаете, что я вас хочу. А вы не совсем равнодушны ко мне. Назовите вашу цену. А если хотите, чтобы я назначил вам содержание, то скажите, какое именно. Я могу рассчитаться с вами сразу одной суммой, если пожелаете. Но давайте не будем больше тратить время на предварительные переговоры.

Диана внимательно посмотрела на виконта – и ее вдруг охватила ярость.

– То, что вы считаете пустой тратой времени, для меня очень важно, – заявила она. – Если же вас это не устраивает – найдите другую женщину. Как вы сами сказали, в Лондоне множество женщин продаются.

Она приподняла юбки решительно направилась к двери конюшни и на ходу, не оглядываясь, бросила:

– И заберите ваш подарок, милорд.

Она почти дошла до двери черного хода, когда виконт

прокричал:

– Подождите, пожалуйста!

Она повернулась и стала смотреть, как он привязывает обеих лошадей, потом идет к ней. Сент-Обин хмурился, но она чувствовала, что злился он больше на самого себя, чем на нее.

– Прошу прощения, – пробормотал он. – Я же говорил, что ничего не знаю о женщинах. – Взглянув на нее виновато, виконт добавил: – До сегодняшнего дня у меня не было необходимости учиться этому.

Диана смягчилась: ему, вероятно, было очень нелегко извиняться дважды за несколько минут. Она стремилась научиться брать власть над мужчиной, но на самом деле почувствовала себя сейчас очень неудобно. Виконт же, приободрившись, продолжал:

– Обещаю, что, если мы станем любовниками, мое нетерпение пройдет. – На его лице промелькнула тень улыбки. – И даже если в Лондоне множество доступных женщин, они мне не нужны. Я хочу именно вас, а ваша красота уже не единственная причина.

Если Сент-Обин хотел ее обезоружить, то он в этом прекрасно преуспел. Диана шумно выдохнула, даже не сознавая, что до этого затаила дыхание.

– Милорд, думаю, мы придем к соглашению в свое время, – сказала она с улыбкой. – Только, пожалуйста, не слишком торопите меня. Я не уличная женщина, которая может

заработать сто гиней в день по одной гинее с каждого мужчины.

Виконт поморщился: будучи человеком брезгливым, он, очевидно, предпочитал не думать о таких вещах. Диана же, приподняв брови, добавила:

– Не надо выражать презрение по отношению к моим менее удачливым сестрам, милорд. Ведь когда императрица Мессалина² вызвала величайшую шлюху Рима на состязание, то победила именно императрица, сумевшая обслужить за ночь больше мужчин.

Теперь виконт по-настоящему улыбнулся, и в этот момент у него было вполне добродушное выражение лица – таким Диана его еще не видела.

– Никогда не был в постели с женщиной, получившей классическое образование. Скажите, вы научились чему-нибудь новому для себя у Овидия³ или Сафо⁴?

Диана вполне осознавала, что ступает на зыбкую почву и, чуть помедлив, ответила:

– Иногда не так-то просто узнать что-то новое.

– Вы уверены? – В глазах виконта блеснули озорные огоньки. – Знаете, я довольно долго жил в Индии. У них там

---

² *Мессалина Валерия* (ок. 17/20–48) – третья жена римского императора Клавдия, имя которой приобрело переносное значение из-за ее распутного поведения.

³ *Овидий Назон* (43 г. до н. э. – 17–18 г. н. э.) – древнеримский поэт.

⁴ *Сафо* (ок. 630 г. до н. э. – 572–570 г. до н. э.) – древнегреческая поэтесса и музыкант.

очень богатое воображение. Возможно, я даже смогу научить вас кое-чему – несмотря на ваш профессиональный опыт.

Ах, если бы он знал, как мало у нее опыта! Эта игра словами не на шутку встревожила Диану, и она поспешно проговорила:

– Не сомневаюсь, милорд, что я могу научиться у вас очень многому. – Она протянула Сент-Обину руку. – А сейчас... с вашего разрешения милорд, я пойду.

Виконт какое-то время не выпускал ее руку, и теперь на его лице не было и намека на улыбку.

– Миссис Линдсей, когда я смогу снова вас увидеть? Может, завтра?..

Диана замялась, пытаясь вспомнить, следовало ли ей казаться недоступной или, напротив, полной энтузиазма. А, черт с ними, с правилами...

– Завтра вполне подходит. Вы планировали еще одну прогулку верхом?

– Да, но я планировал кое-что длительное. Возможно, мы могли бы доехать до Ричмонда. Можно устроить поездку на целый день.

– Милорд, я должна вернуться домой до четырех.

В это время Джоффри возвращался из школы, и Диана всегда проводила вторую половину дня с ним.

– Очень хорошо, миссис Линдсей. Заеду за вами в десять. – Все еще крепко удерживая ее руку, он приподнял темную бровь. – В ваших стойлах найдется место для той лошади.

ди, что я вам подарил?

Диана мысленно рассмеялась. Этот негодник пытался дать на нее!

– Что ж, милорд, поскольку мне завтра предстоит ехать на ней, она вполне может остаться здесь до утра. Но эту лошадь я взяла у вас только на время.

Сент-Обин вежливо поклонился.

– Тогда до завтра.

Он легонько коснулся губами ее пальцев, и в тот же миг по руке Дианы пробежала приятная дрожь. Уже входя в дом, она осознала, что виконт оказался вовсе не таким, каким казался вначале. Под устрашающей маской скрывалась удивительная нежность... Интересно, а если бы он оказался по-настоящему жестким и резким, она все равно почувствовала бы влечение к нему? Вероятно, нет.

«Что ж, я мечтала о более интересной жизни, чем жизнь в Йоркшире, и, похоже, мечта моя сбывается», – с улыбкой думала Диана, снимая шляпку для верховой езды.

Глава 5

Когда Диана вошла в залитую солнцем столовую, Мадлен и Эдит посмотрели на нее так, словно она была своенравным ребенком. Однако они воздерживались от вопросов, пока Диана брала себе с буфета красного дерева яйца, тост и чай. Лишь после этого Мадлен с достойной восхищения сдержанностью спросила:

– Как прошла утренняя прогулка?

– Замечательно. – Диана блаженно улыбнулась. – Было очень приятно встать так рано. Казалось, я снова попала в деревню.

Диана прекрасно понимала, что в действительности не ответила на вопрос подруги. Да и в деревню ее совсем не тянуло. Немного помолчав, она проговорила:

– Что же касается прогулок, то лорд Сент-Обин вел себя по-джентльменски.

Эдит криво усмехнулась, а Мадлен с раздражением сказала:

– Конечно, на этой стадии он будет вести себя как джентльмен. Но что же произошло? Он сделал тебе какое-то предложение?

– Да, но я ему сказала, что это преждевременно. – Диана налила в чай молока и помешала ложечкой. – А еще он привел мне прекрасную чистокровную кобылу. Я ему сказала,

что это тоже преждевременно.

Эдит, разбиравшаяся в лошадях не хуже любого мужчины, была явно разочарована.

– Ты отказалась от кобылы?.. Как жаль! Мне бы хотелось ее увидеть.

Диана попыталась глотнуть чаю, но он был все еще слишком горячим.

– Вообще-то кобыла сейчас стоит в конюшне, но только временно. Потому что завтра мы поедем кататься до Ричмонда.

– Кажется, лорд Сент-Обин тебе угодает, – заметила Мадлен.

Понимая, что подруга искренне тревожилась за нее, Диана отбросила легкомысленный тон и, глядя в чашку, проговорила:

– Вообще-то он очень темпераментный мужчина и, пожалуй, не такой бесчувственный, как ты думаешь. Мне кажется, на его долю выпало много несчастий.

– Значит, уже слишком поздно, – буркнула Мадлен.

Диана сделала глоток чаю, потом взглянула на подругу.

– Поздно?.. Что ты имеешь в виду?

– Если женщина вроде тебя начинает жалеть мужчину, то она уже на полпути к тому, чтобы в него влюбиться.

Диана приподняла брови.

– Неужели? Я-то думала, что ищу любовника, а не еще одного ребенка, о котором нужно заботиться.

– Сочувствие – начало заботы. А дальше появится желание залечить раны, которые ему нанесла жестокая судьба. – Мадлен невесело улыбнулась. – А потом ты вообразишь, что никто, кроме тебя, не сможет любить его по-настоящему. И тогда ты пропала.

Диана нахмурилась. Казалось, она хотела возразить, но тут Эдит громко сказала:

– Быстрее допивай свой чай, и я посмотрю на листья.

Диана покорно допила остатки чая, потом закрыла глаза и осторожно покрутила чашку, думая про Джервейза, лорда Сент-Обина. Было очень легко представить его строгое лицо и серые глаза, обычно холодные, но иногда согретые насмешливой улыбкой. Открыв глаза, Диана передала чашку Эдит, и та стала пристально смотреть в нее. Эдит утверждала, что ее прабабка была цыганкой, поэтому она могла заглянуть в будущее, если дух прабабки ей помогал. Хотя ее предсказания считались просто развлечением, их всегда слушали с огромным интересом. Через минуту-другую каким-то странным голосом, непохожим на ее обычный, она произнесла:

– Судьба. – Слово это прозвучало безо всяких эмоций. Последовала долгая пауза, потом Эдит продолжила: – Гнев, лицо под вуалью, тайны, которые соединяют и разъединяют. И еще – ложь и предательства. – Снова последовала пауза, а затем она шепотом повторила: – Ложь и предательства... И любовь.

Диана невольно поежилась, по спине пробежали мурашки. Она не очень-то серьезно относилась к словам Эдит, однако знала, что некоторые ее предсказания были сверхъестественно точными. Мадлен же тихо спросила:

– Ты все еще уверена, что хочешь связываться с Сент-Обином?

Диана уже собиралась ответить, но тут Эдит произнесла потусторонним голосом:

– Ложь и предательства... не только с одной стороны. – Помотав головой, словно только что очнулась от глубокого сна, она уже со своим обычным йоркширским акцентом проворчала: – Что бы это ни значило.

– Сомневаюсь, что это вообще что-нибудь значит, – сказала Диана, вставая из-за стола. – И если у вас, дорогие, больше нет для меня зловещих предсказаний, то я, пожалуй, пойду побросаю ножи. – Неплохая получилась финальная реплика! К тому же это была чистейшая правда.

Когда Мадлен учила Диану тому, что следовало знать куртизанке, в их расписание входил и такой предмет, как самозащита. У Мэдди всегда был под рукой нож – в ридикюле, в привязанных к ноге ножнах или же спрятанный возле кровати. Это оружие три раза спасало ее от больших неприятностей, а однажды, возможно, спасло ей жизнь – мужчина, который ей угрожал, позже задушил другую свою любовницу, а потом убил и себя. Мэдди учила подругу правильно держать нож и наносить удар. Занимались они и метанием ножа, что-

бы Диана чувствовала себя с этим оружием более свободно. Вообще-то метать нож для самозащиты не рекомендовалось, потому что тот, кто его бросал, оставался безоружным. Хотя Диана ненавидела насилие и боялась его, сам процесс метания ножа оказался захватывающим, в нем было нечто гипнотическое. Это занятие требовало концентрации и одновременно успокаивало, когда она чувствовала себя не в своей тарелке – как сегодня утром, например.

В первые годы своей жизни в Лондоне Мадлен превратила просторную комнату в мансарде в тренировочный зал. Один конец комнаты закрыли мягкими сосновыми досками, чтобы защитить стены, а к доскам прикрепили всевозможные мишени – разных размеров и на разной высоте (имелись также и подвижные мишени).

Мадлен и Диана тренировались здесь регулярно, а в остальное время комната оставалась запертой (Эдит тоже попробовала свои силы в метании ножа, но ее этот спорт не заинтересовал). Один старый сириец, живший в Лондоне, смастерил для них особые ножи: по форме они напоминали обычные кинжалы, но выкованы были из цельных кусков стали, так что лезвия и рукоятки составляли единое целое. В результате ножи получились уравновешенными, и их можно было метать, держа как за лезвие, так и за ручку. У каждой из подруг было по шесть ножей разных размеров; с более легкими женщине проще обращаться, и их легче скрыть, а те, что потяжелее, позволяли наносить более сильный удар.

Диана улыбнулась, представляя, какой нелепой она сейчас показалась бы стороннему наблюдателю. Она переделалась в утреннее платье из белого муслина, а ее волосы были все еще зачесаны назад и аккуратно уложены, так что она выглядела бы вполне благовоспитанной леди, если бы не ножи. Приблизившись к мишени, Диана легонько помахала одним из них, чтобы «схватить ощущение», а потом метнула в цель. Лезвие вонзилось прямо в «яблочко».

К бедру Дианы были пристегнуты ножны, которые ей подарила Мадлен, и она, повернувшись к мишени спиной, выхватила нож из ножен и одним резким движением, не прицеливаясь, метнула нож. Лезвие вонзилось в мишень в половине дюйма от первого ножа. На протяжении следующей четверти часа она метала ножи с разных дистанций. Летящий нож в воздухе вращался, и мастерство заключалось в том, чтобы он попадал в цель острием, а не рукояткой или боком. Со временем метатель усваивал, как попадать в цель с любого расстояния, и Диана Линдсей при всей ее ангельской внешности была уже очень неплохим метателем.

Через некоторое время Диана начала метать ножи в движущиеся мишени, которые качались точно маятники, так что попасть в них было очень трудно, тем не менее она попала в центр круга девяти мишеней из десяти.

Дверь открылась, но Диана не повернулась, пока Мадлен не спросила насмешливо:

– Воображаешь, что мишень – это я?

– Боже правый, Мадлен, не говори такое даже в шутку!

Диана подошла к мишеням, чтобы вытащить ножи. Два самых больших лезвия удалось вытащить не сразу, ведь чем тяжелее нож, тем глубже он входит в мишень. Возвращаясь обратно, Диана с улыбкой сказала:

– Меня это успокаивает, хотя я не уверена, что смогу бросить нож в человека даже ради спасения собственной жизни.

– А ради того, чтобы спасти жизнь Джоффри, смогла бы?

– Да, конечно, – ответила Диана, не колеблясь ни секунды.

– Если когда-нибудь возникнет ситуация, при которой твоя жизнь окажется под угрозой, чего, даст Бог, никогда не произойдет, обязательно вспомни, как сильно Джоффри и нам будет не хватать тебя, – сказала Мадлен и тут же с усмешкой добавила: – В общем, сначала спаси себя, а с Создателем помиришься позже.

Она взяла у Дианы нож, взвесила на ладони и метнула в самую большую мишень. Лезвие, подрагивая, вонзилось в трех дюймах от центра мишени – не в «яблочко», но все равно это был хороший бросок. Диана лукаво улыбнулась и метнула в ту же мишень, причем попала точно в цель. Мадлен криво усмехнулась и пробормотала:

– Похоже, я создала монстра... У тебя необычайно точный глаз.

Диана радостно рассмеялась, потом вдруг сказала:

– А ты ведь никогда не рассказывала, как это у тебя началось. Понятно, что нужно иметь при себе оружие для само-

обороны, но почему метание ножей? Это какое-то странное варварское искусство...

Мадлен улыбнулась и бросила нож в движущуюся мишень. Лезвие вонзилось не в самый центр, поэтому мишень завертелась на веревке, но нож не выпал.

– Я сочла, что эта история слишком горяча для твоих ушей. Но теперь, когда ты сама занялась этим ремеслом... Что ж, думаю, стоит тебя просветить.

– Неужели эта история горячее некоторых других твоих уроков? – с насмешливой улыбкой спросила Диана и села на потертый стул в противоположной от мишеней части комнаты. – Знаешь, я до сих пор не могу без смеха смотреть на пастернак.

Подруги весело рассмеялись – Мадлен использовала пастернак в качестве учебного пособия, когда объясняла подруге, что куртизанке обязательно следовало знать. Эти уроки оказались для Дианы весьма поучительными, однако иногда ей трудно было поверить тому, что говорила Мэдди.

– Раньше я рассказывала тебе в основном о том, что считается нормальным. – Еще один брошенный Мадлен нож вонзился в неподвижную мишень. – Да, в основном о нормальном... Однако у некоторых мужчин крайне... необычные вкусы. – Мадлен подошла к мишеням, чтобы вытянуть ножи, затем продолжила: – Однажды я познакомилась с джентльменом, который был не способен к половому контакту обычным путем, но его ужасно возбуждали ножи. Когда он при-

шел ко мне в первый раз, то вытащил два индийских кукри и начал ими размахивать. Они выглядят очень страшно: большие, изогнутые, – и я подумала, что он собирается меня убить.

Диана шумно выдохнула. Хотя Мэдди говорила с улыбкой, все это, наверное, выглядело ужасно. Неудивительно, что Мэдди сразу же заявила, что куртизанка должна уметь защищаться. Положив кинжалы на консольный столик, Мадлен села и вновь заговорила:

– Лишь после того, как этот джентльмен метнул оба кукри в мой умывальный столик, которому это не пошло на пользу, он смог справиться со своей задачей вполне нормально. Когда такое случилось впервые, я очень испугалась, но за исключением этой странности он оказался довольно приятным мужчиной. – Мадлен отбросила с лица прядь. – Так вот, он сказал, что если ножи буду бросать я, а он – наблюдать, то это еще больше его возбудит. Вот я и научилась метать ножи. Это оказалось интересным и полезным делом, и я продолжила упражняться даже после того, как мы перестали с ним встречаться.

Диана вытаращила на подругу глаза и пробормотала:

– Неужели для того чтобы ублажить клиента, приходится заходить так далеко?

Мадлен поморщилась.

– Поверь мне, эта особенность была вполне безобидной по сравнению со странностями некоторых других мужчин. Ко-

гда-нибудь я расскажу тебе об этом побольше, чтобы ты была готова к возможным неожиданностям. Но никогда не делай для мужчин то, что тебе отвратительно. – Мадлен вдруг усмехнулась. – В метании ножей для удовольствия моего друга была только одна реальная опасность – схватить воспаление легких в разгар зимы. Понимаешь ли, ему нравилось, когда я делала это обнаженной, поэтому к его приходу я всегда разводила жаркий огонь в камине.

– Все это звучит очень... гм... очень интересно, – пробормотала Диана в задумчивости. В таких случаях она спрашивала себя, удастся ли ей действительно стать куртизанкой. Вдруг она на самом деле была обычной женщиной...

– Но странных мужчин не так уж много, и ты довольно быстро поймешь, как с ними обращаться, – продолжала Мэдди. – Самым трудным будет первый раз, и сколько бы я тебя ни обучала, мои уроки не заменят реального опыта.

– Я об этом думала, – сказала Диана. – И кажется, я знаю, как скрыть мою неопытность.

Она вкратце рассказала, что собиралась предпринять, и Мадлен одобрительно кивнула.

– Да, отличная мысль. Возможно, у тебя все-таки есть к этому ремеслу природный талант. – Она встала и потянулась. – Отправлюсь-ка я на Оксфорд-стрит посмотреть перья. Хочешь поехать со мной?

– С удовольствием, – сказала Диана. – Только схожу за шалью.

Оставшаяся часть дня прошла так же спокойно, без событий. Они шили, обсуждали с Эдит меню на неделю и слушали Джоффри, рассказывавшего, чему научился за прошедший день. Но вечером, после того как Диана уложила сына в постель, она снова вышла в мир дам полусвета: несколько старых подруг Мадлен, совместно арендовавших ложу в опере, платили двести фунтов в год за привилегию иметь витрину для своих прелестей. Мэдди получила приглашение для них обеих.

Когда они вошли в ложу первого яруса, Диана заметила, что в их сторону повернулось множество голов. На ней было платье из мерцающего золотистого шелка, придававшего коже персиковый оттенок. Этот наряд был рассчитан на то, чтобы ее сразу заметили, и задумка удалась. Светские дамы демонстративно от нее отворачивались, хотя некоторые украдкой поглядывали на куртизанок, стараясь получше рассмотреть загадочных женщин, выманивающих мужей из дома.

А вот мужчины, напротив, безо всякого стеснения глазели на них, некоторые – сквозь монокли. Когда Диана села на мягкий стул, обитый бархатом, ее внимание тотчас же привлек джентльмен, сидевший в ложе того же яруса, но по другую сторону зала. И он чем-то напоминал виконта Сент-Обина... но при ближайшем рассмотрении она поняла, что он ей не знаком. Перехватив взгляд Дианы, мужчина многозначительно улыбнулся. Она вспыхнула и отвернулась и лишь минуту спустя сообразила, что киприанки должны поощрять

такой интерес.

В их ложе собралась веселая компания. Джульетта, одна из женщин, арендовавших ложу, была со своим покровителем, стареющим денди, который жестом собственника положил руку на обнаженное плечо своей любовницы (у Джульетты был круг постоянных поклонников, и это обстоятельство доставляло ее покровителю огромное удовлетворение).

Некоторые из мужчин, которых Диана уже видела в доме Гарриет Уилсон, зашли в ложу, чтобы выразить свое почтение, и каждый из них привел с собой друзей, умолявших представить их Диане. Все они столпились вокруг нее, и ей уже становилось душно. Подобное внимание казалось и лестным, и тревожным. Диана пыталась улыбаться и разговаривать одновременно с несколькими мужчинами, но это было нелегко, и она опасалась, что если случайно проигнорирует кого-нибудь, то покажется невежливой. А уже знакомый ей юный мистер Клинтон так смутился, что Диана сама старалась вовлечь его в разговор. Из-за духоты и собравшейся вокруг нее толпы она уже начинала чувствовать слабость, и вдруг раздался чей-то голос с французским акцентом:

– Столь совершенный цветок завянет, если ему не дать свежего воздуха. Не желаете ли пройтись по коридору, *ma belle*?

Диана подняла взгляд и увидела того самого мужчину, который привлек ее внимание и улыбнулся ей. Он был довольно красив, смугловат и темноволос, то есть имел облик яв-

но неанглийский. Не считая безукоризненно белой рубашки (плюс трость с золотым набалдашником), все на нем было черным, причем одет он был с элегантностью на грани щегольства.

Склонив голову к плечу, Диана с вежливой улыбкой сказала:

– Сэр, я вас не знаю.

– Риджли, представьте нас, – бросил через плечо незнакомец.

Лорд Риджли, ее вчерашний поклонник, с явной неохотой пробормотал:

– Миссис Линдсей, это граф Везеул.

– Ну что, цветочек, теперь вы выйдете со мной? – поинтересовался граф, протягивая ей руку.

Диане очень хотелось на несколько минут сбежать от окружавшей ее толпы, поэтому она встала, принимая руку графа.

– Прошу прощения, джентльмены, я скоро вернусь. – Она улыбнулась всем своим поклонникам одновременно.

Риджли и все остальные, казалось, приуныли, но почти сразу же заговорили на тему, неизменно вызывавшую у мужчин неподдельный интерес, – о лошадях. Поскольку дело происходило не в антракте, коридоры были почти безлюдны.

Диана, с облегчением вздохнув, сказала:

– Милорд, благодарю вас... Здесь не так душно.

– *Ma fleur*, как вам понравилось ваше первое посещение

оперы? – осведомился француз.

Граф Везеул был крупным и широкоплечим, однако создавалось впечатление, что его одежда изысканного покроя скрывала одни лишь мускулы. Встретив вопросительный взгляд его черных глаз, Диана пробормотала:

– Милорд, откуда вы знаете, что это мое первое посещение оперы?

– Я часто здесь бываю. – Граф окинул взглядом коридор и, немного помолчав, добавил: – Вы определенно самая красивая женщина из всех, что мне доводилось видеть. Так что я бы наверняка вас запомнил.

– Милорд, вы мне льстите.

Они дошли до конца коридора и повернули за угол; теперь в поле зрения не было ни души. Диана почувствовала себя немного неуютно, вспомнив предостережение Мадлен, не раз говорившей, что не стоит оставаться с незнакомым мужчиной наедине. Хотя француз был довольно привлекательным, что-то в нем вызывало у нее тревогу. Она повернулась, чтобы направиться обратно, но Везеул преградил ей дорогу. Внимательно оглядев ее с ног до головы, он мягко произнес:

– Задержитесь на минутку *ma fleur*. Мне нужно обсудить с вами... одно дело.

Пытаясь успокоиться, Диана говорила себе, что глупо бояться, ведь Везеул был безупречно вежлив. Кроме того... Вряд ли он напал бы на нее в опере. Но если бы все-таки на-

пал... Ведь из-за музыки в зале ее крики могли не услышать.

Стараясь не выдать своего беспокойства, Диана сухо проговорила:

– Милорд, я вас слушаю. У вас ко мне какое-то предложение?

Пробыв куртизанкой всего двадцать четыре часа, она получила уже несколько весьма заманчивых предложений.

Приподняв свою трость черного дерева, граф провел по лицу Дианы золотым набалдашником. Металл еще хранил тепло его ладони, и почему-то именно это обстоятельство вызвало у Дианы чувство отвращения. Она попыталась отпрянуть, но, увы, ее спина и так уже упиралась в стену. Она в страхе замерла. Везеул же провел золотым набалдашником по ее щеке, потом – по горлу, слегка надавливая и словно намекая, что ее ожидало, если она не проявит сговорчивости.

– Немедленно прекратите, – резко сказала Диана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.